

Мажор-3. Правда опаснее смерти

Автор:

[Сергей Галдаев](#)

Мажор-3. Правда опаснее смерти

С. Калужанов

К. Галдаев

Мажор. Популярный детективный сериал

Игорь Соколовский понял, что обычные законы ему не помогут. Его враг силен и коварен. И он переступает через законы общества, законы морали. И что остается простому оперу Соколовскому, который потерял, кажется, уже все. У него остались только память и любовь. А еще друзья. И с этим оружием он решил идти до конца, чтобы разрубить запутанный узел лжи и предательства. Но как не разорваться на части между двумя женщинами, как бороться со страхом потерять любимую, как защитить близких ему людей и выжить самому? А ведь это так трудно, когда ты сам уже умираешь, когда смотришь в глаза мертвым и знаешь, что они тоже лгут тебе. И самое страшное, что мертвецы продолжают лгать, а открывающаяся правда еще страшнее. И единственное светлое в жизни Игоря Соколовского – это его память и... зарождающаяся новая жизнь...

Сергей Валерьевич Калужанов, Константин Галдаев

Мажор-3

Правда опаснее смерти

Сценарий

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2019

Глава 1

Это было страшно – смотреть в глаза собственной боли. Игорь Соколовский стоял перед зеркалом, висевшим на ободранной кирпичной стене. Он почти уперся лбом в грязное стекло, вглядываясь в себя. Борода, всклоченные волосы и глаза, в которых сплошная боль и бессилие. Это было сродни мазохизму. Он питался болью собственных глаз, ему хотелось смотреть еще и еще. И когда ему впервые пришла в голову эта мысль, он вдруг понял. Нет, не наслаждение собственной болью влечет его к зеркалу. Он как будто смотрит на себя с того света, смотрит и заряжается болью, воспоминаниями, рвущими душу. Таким его не видел никто, кроме него самого.

Теперь у него нет ни фирмы, нет надежных друзей, с которыми он мог бы начать все сначала. Каждый шаг Соколовского-младшего к мести, каждый его шаг на пути разгадки причин гибели родителей приводили к новой трагедии, к новым смертям. Нужно было время отлежаться, забиться в угол, сжаться в комок и просто выждать, пока успокоятся нервы, пока голова снова начнет мыслить ясно.

Игорь тяжело выпрямился и отошел от стены с зеркалом. На старом, затертом до дыр линолеуме, застилавшем бетонный пол, валялись коробки из-под пиццы, пустые банки и бутылки. И у окна его лежанка, иначе никак не назовешь старую раскладушку, на которой поверх одеяла он спал, даже не раздеваясь.

Опрокинувшись на спину, Соколовский закрыл глаза. Положив сгиб руки на лицо, он снова погрузился наполовину в сон, наполовину в воспоминания. Но теперь все это теряло реальность, все больше становилось похоже на бред. И, находясь в этом бреде, он приказывал, сидя в кабинете Игнатьева, держа трубку дорогого телефона возле уха:

- Илья Сергеевич. Покупайте.

И он искренне верил, что держит Игнатьева за горло, что его ближайший помощник Васильев на его стороне, а получилось... Получилось, что за всем стоял Фишер, и именно он был кукловодом, а не Соколовский. А потом выстрел, и Игнатьев упал на пол, обливаясь кровью. Дико, нелепо, необъяснимо. И дальше все как в тумане, как все в том же бреде, на который была похожа его прошлая жизнь. Гонка по ночному городу на Катиной машине. Катя, с окровавленными руками на заднем сиденье, зажимающая рану отца. И шепот Игнатьева: «Ты не знаешь...»

Больница, коридоры, облицованные кафелем, запах больницы и беды и крик кого-то из персонала, что пульса нет. И глаза Кати в этот момент.

- ...Кать, я все исправлю.

Но она резко оттолкнула его и бросила в лицо, как удар:

- Мне ничего от тебя не нужно.

- Пойми... Я хотел, чтобы все было по справедливости.

- Ты отомстить хотел! - выпалила девушка, глядя на него с ненавистью. - Отомстил?! Уходи!!

Игорь лежал на своей раскладушке и пытался отогнать воспоминания. Сил помнить все уже не оставалось. Хоть бы ветер, думал он, пусть хлопает

дверями, створками окон с выбитыми стеклами, пусть по крыше и карнизу над входом барабанит дождь. Пусть даже ветер воет в трубе, только здесь нет никакой трубы. А выть хочется мне самому. Но, ни ветра, ни воя. Только густая липкая тишина, от которой не избавиться, не содрать ее с себя. И голос.

– Проснись, Игорь, – произнес знакомый до ненависти голос Фишера.

Игорь с трудом открыл глаза, пытаясь разглядеть что-то в этом расплывающемся перед ним мире. Он стал тереть глаза руками с ожесточением, трясая головой, но мир четче не становился. Захотелось упасть снова на постель и накрыть голову подушкой, чтобы не видеть и не слышать больше ничего.

– Я вижу, ты сдался? – снова спросил Фишер с пониманием.

И тут Игорь увидел его стоящим у стены напротив. Фишер стоял, смотрел на него и чуть покачивал головой.

– Сдался, – повторил он сочувственно.

– Ссука... – простонал Соколовский и стал шарить руками вокруг себя.

– Я знаю, что ты чувствуешь, – сказал Фишер с усмешкой. – У меня тоже так было. Мне было трудно встать и заставить себя жить. Мы одинаковые с тобой, Игорь. Но я смог подняться. А ты – сможешь?

Игорь наконец нащупал то, что искал на постели. Холодную рукоятку пистолета. Ощущение смертоносного оружия в руке придало ему сил, и Игорь попытался вскочить на ноги. Его качнуло в сторону, злость заполнила, зазвенела внутри диким напряжением.

– Ты убил мою мать! – закричал Соколовский.

Выстрел прогремел так громко, что у Игоря заложило уши. Он тряхнул головой и устался на стену. Там никого не было, а в кирпиче виднелась дырка, которую пробил пуля. Что это было? Возникло ощущение, что с мозга сползает какая-то пелена и снова обнажается сознание, в мире появились цвета, звуки, запахи. Звуки? Резкий женский визг заставил Соколовского обернуться назад. Из-под

одеяла его раскладушки выскочила голая девица. Схватив в охапку свою одежду, она выскочила из комнаты. И только шлепки ее босых ног еще долго раздавались по коридору.

Игорь посмотрел вслед девушке, потом медленно подошел к стене и потрогал пальцами щербину от пули. Реально. Он повернулся и с ужасом увидел, в какой грязи живет. В грязи и вони. Подойдя к зеркалу, Соколовский снова уставился на свое отражение. Свой внешний вид ему совсем не понравился.

Вика сидела у себя в отделе с телефоном в руке. Вид у нее был озабоченный и недовольный. Пустой кабинет, напротив стол, за которым не так давно сидел Даня.

– Максим, – недовольно сказала Вика в трубку телефона. – Не надо мне звонить каждое утро...

Распахнувшаяся дверь кабинета заставила женщину сразу же отложить трубку, нажав отбой. Конечно же, это был Пряников. Только в его манере было толчком открывать двери кабинетов подчиненных и задавать вопросы. Причем начальник отделения полиции не всегда даже удосуживался входить в кабинет и вопросы задавал из двери.

– Подобрала себе замену? – строго спросил Пряников, держа руки в карманах.

– Не успела, Андрей Васильевич, – Вика развела руками. – Служба.

– А рожать будешь тоже на службе? – съязвил подполковник. – Естественные роды, в поле?

– Как пойдет, – насупилась Вика.

– А что Соколовский? – перешел ко второму вопросу Пряников, медленно обводя взглядом пустой кабинет отдела. – Надо вытягивать парня...

– Я ему не сторож.

– Значит, так, Родионова, – ворчливо начал внушение Пряников. – Не подберешь себе замену – я сам подберу. Родишь – вернешься, конец света, что ли!

Подполковник не успел договорить. Мощное рычание мотоциклетного двигателя донеслось с улицы. С недовольным видом Пряников пересек кабинет и встал у окна.

– Это еще что?

– Спрашивали, где Соколовский? – хмыкнула Вика, подойдя к начальнику. – Вот.

Игорь въехал на спортивном мотоцикле на парковку перед отделением полиции. Миновав ряд разномастных отечественных машин и стареньких иномарок, он свернул на свободное парковочное место и заглушил двигатель. У входа расступились несколько сотрудников, пропуская Пряникова. На такой эффект Соколовский не рассчитывал и начал поспешно расстегивать ремешок глухого шлема.

– Что за цирк? – первое, что услышал Игорь, сняв с головы шлем.

– А что, красиво, – широким взмахом руки Соколовский махнул в сторону мотоцикла, который медленно завалился на бок из-за плохо выставленной подножки.

– Вижу, – поморщился от грохота упавшего мотоцикла Пряников.

– Андрей Васильевич, – Соколовский посмотрел начальнику в глаза. – Поверьте, я в форме!

– Уверен? – Пряников с сомнением переводил взгляд с лежавшего на асфальте мотоцикла на лицо молодого человека и обратно.

– Да! – Игорь спохватился и поспешно поднял мотоцикл, поставив его на подножку. Он снова подошел к Пряникову и сказал тихо, почти шепотом. – Мне нужно все, что есть у нас в архивах на Фишера.

– Зачем? – мрачно спросил подполковник, и его лицо начало багроветь от недовольства.

– Я хочу его посадить. Понимаете? По закону. Не может быть, чтобы на него ничего не было.

– Было бы – посадили, – процедил Пряников сквозь зубы.

– Или бояться, – прищурившись, покачал Игорь головой. – А мне нужно за что-нибудь зацепиться, с чего-то начать. Андрей Васильевич, помогите.

Пряников молча посмотрел Соколовскому в глаза, как будто оценивал его состояние, а может быть, что-то еще прикидывая. Потом кивнул головой.

– Иди, работай!

Чуть помедлив, не понимая, согласился Андрей Васильевич ему помочь или нет, Игорь повернулся и поспешил к входу. Изображая сконфуженную улыбку, он прошел мимо коллег, вытерпев похвалы, похлопывания по спине и обычные шуточки. Пряников проводил взглядом Соколовского и остался стоять, хмуря брови. Приняв какое-то решение, подполковник решительно двинулся к зданию, но тут снова за спиной послышались взреывания мотора. Под удивленным взглядом начальника отделения полиции на парковку въехал раритетный автомобиль обтекаемых форм. Ехал он странно: то дергаясь, то прибавляя скорость, то резко притормаживая. Наконец на свободном парковочном месте автомобиль замер, продолжая утробно рокотать двигателем, и из него вышел во всей красе лейтенант Аверьянов.

– Что же за день сегодня такой! – проворчал Пряников, глядя на колоритную внешность оперативника.

Жека выглядел сегодня как настоящий курортник: белые парусиновые штаны, легкомысленная цветная льняная рубашка. И был он весь загорелый, со стильной салонной стрижкой, на руке дорогие массивные часы. Но больше всего поражали Жекины усы! Они не делали его элегантнее или серьезнее, мужественнее. Они, как и рубашка, делали его легкомысленным курортным оболтусом.

– Здравьсь... – смутился Аверьянов, увидев посреди парковки наблюдавшего за ним подполковника. – Здравия желаю, Андрей Васильевич. Я щас переоденусь – из аэропорта, не успел...

Пряников надвигался как танк. Он набычил голову и пошел на Аверьянова, сверля его негодующим взглядом. Подойдя вплотную, Пряников прошипел:

– Загар смыть. Усы сбрить. Волосы...

Жека открыл было рот, чтобы возразить, но промолчал. В его глазах мелькнули растерянность и обреченность. Как будто он только сейчас осознал, что месяц отпуска закончился, что вся романтика южных морей, курортов, дорогих вин и отелей осталась далеко позади, а сейчас он снова в своем отделе, и снова придется надевать кобуру, допрашивать подозреваемых и всяких упырей, лазить по чердакам и подвалам и дышать... Одним словом, дышать чем придется, но не морским воздухом.

– Понял. Сбрею, – промямлил Жека.

– Почему машину не заглушил? – все так же строго осведомился Пряников.

– Да я ее еле завел, – вспыхнул Аверьянов. – Жена подарила – еще не разобрался... просто... Черт, понаделают всяких прибамбасов, а ты здесь мучайся!

Пряников предупреждающе поднял руку, заставил Аверьянова замолчать и, приложив телефон к уху, отошел в сторону. Соколовский и Вика подошли к Жеке, как только он остался один.

– С возвращением, курортник! – улыбнулась Вика.

Соколовский шутливо смахнул с щеки несуществующую слезу и обнял Жеку. Потом потыкал пальцем в сторону его машины.

– Первый день на ней выехал?

– Да, блин, – Аверьянов поморщился, как от зубной боли. – Коробка передач на руле, то рванет, то заглохнет, запчастей уже не выпускают, любая царапина как серпом по абрикосам... Вот она мне подарок сделала, сплошной гимор...

– Аверьянов, Соколовский – на вызов, – прозвучал голос Пряникова за спинами. – Танк угнали.

Весь отдел, включая и Родионову, обернулся на подполковника.

– Андрей Васильевич – чего угнали? – переспросил Игорь.

Квартира Геннадия и Лидии Кушников ярко напоминала о советских временах. Все тут было какое-то еще советское, оставшееся от родителей или бабушек и дедушек. Опрятное, но не современное. И диван с креслами продавленные, и торшер старомодный, ковер на полу затертый и застиранный, хотя когда-то, видимо, висел на стене. В серванте чистые стекла, а за ними разномастная посуда от разных сервизов и бокалы от разных наборов. Ясно, что зарабатывать в этой семье было не принято. Тем более что 35-летний глава ее с пивным животиком и намечающейся лысиной на темени восседал за компьютером и откровенно резался в «танчики». Точнее, сейчас он выглядел раздосадованным и только демонстрировал, что «резаться» дальше он больше не может.

– Я не понял, а от нас вы что хотите? – поинтересовался Соколовский.

– Чтобы вы нашли мой танк! – безапелляционно заявил Гена.

– Настоящий? – вытаращил на хозяина квартиры глаза, как на идиота, Аверьянов. – Или из игры?

– Я щас все объясню, – раздраженно пообещал Гена и повернулся к сыщикам. – Утром был рейд запланирован. За неделю с ребятами «сконнектились», забили время, я встал в семь, по будильнику, «логинюсь» в свой аккаунт, а танка нет! Пусто – понимаете?

– Так, еще раз, – Соколовский потряс головой, как будто отгонял навязчивое видение. – У вас пропал ненастоящий танк? Из компьютерной игры, что ли?

– Парни, вы издеваетесь, что ли? – окончательно вспыхнул Геннадий. – Мне третий раз все объяснить?

– Ну, хорошо, – примирительно поднял руку Соколовский, – а где он стоял, ваш ненастоящий танк?

– В ненастоящем ангаре, блин! – буркнул хозяин квартиры.

Хлопнула входная дверь, в коридоре послышались поспешные женские шаги, и в комнату заглянула молодая женщина с испуганными усталыми глазами.

– Здравствуйте... – пробежала она глазами по лицам гостей и тут же обо всем догадалась. – Господи... Гена, ты что, правда их вызвал?!

Женщина зажала рот рукой, как будто пыталась скрыть готовый сорваться с ее губ стон, и ушла на кухню. Соколовский внимательно посмотрел ей вслед, потом положил по-братски руку Геннадию на плечо.

– Кто это?

– Ну, жена, – нервно дернул плечом Геннадий. – Бывшая. Ну почти, мы разводимся... Не важно. Парни, как танк будем искать?

– Кого? Танк? – Аверьянов с сожалением, как на больного, посмотрел на Геннадия. – Так он же ненастоящий.

– Да? – язвительно переспросил Геннадий. – Только он мне стоил 70 штук настоящих денег! Там броня пятого уровня, патроны разрывные, улучшенный прицел!

– Так, ладно, – махнул рукой Игорь. – Жека, записывай особые приметы. А я поговорю с женой. С бывшей?

Соколовский пошел на кухню, услышав за спиной голос Геннадия, который диктовал «особые приметы» и рассказывал про «скорость 75,15», маневренность... Жена хозяина квартиры Лида кормила на кухне мальчугана лет двенадцати. Мальчик активно хлебал суп и посмотрел на гостя без всякого

испуга, даже с интересом.

- Привет, - подмигнул ему Игорь.

- Здравствуйте, - с готовностью ответил мальчик набитым ртом.

Женщина толкнула сына в плечо, чтобы ел и не отвлекался на взрослые разговоры. Она смотрела на оперативника почти умоляюще. Было понятно, что женщине очень стыдно за своего мужа, пусть и бывшего.

- Простите Гену, - вздохнула она. - Для него это больная тема.

- А для вас? - тут же спросил Соколовский. Лида только пожала плечами, глядя в окно. - Давно это началось?

- Если честно, то я не помню, - тихо ответила она. - Да и как началось. Вначале час в день, ничего страшного, устал после работы. Потом там у них сражение какое-то, всю субботу, потому что только в субботу все могут... Потом...

Она говорила с улыбкой, как будто это что-то глупое, смешное. Почти детская шалость, к которой можно относиться снисходительно. Но, судя по всему, именно эта шалость и привела к развалу семьи. Не «танчики», конечно, а отношение Геннадия к семье, его эгоизм. Ну и игромания, конечно, которая культивировалась и развилась, пока не достигла таких вот чудовищных размеров.

- ...потом среди ночи просыпаюсь одна, - продолжала рассказывать Лида. - Просыпаюсь, а он там. Кто-то написал, что нужно срочно с кем-то сражаться, кому-то нужна подмога...

- И много он денег потратил на броню и прочие прибабахи для игры?

- Ох, да разве в этом дело? - всхлипнула женщина.

- Ну да, - согласился Игорь и кивнул на сына. - А что будет с ним?

– Мы до конца еще все не обсудили... У Гены же сражения... Но Боря будет часть времени с ним, а часть у меня...Вы поймите. Мы разводимся по-взрослому, без скандалов. Просто... это не жизнь.

Игорь посмотрел на спину женщины, отвернувшейся к окну, наверное, чтобы скрыть слезы от постороннего человека. Повернувшись, он вышел с кухни и услышал слова мальчика:

– Вы папе поможете?

Жека, а особенно Геннадий с упоением составляли схему преступления. Геннадий разглагольствовал, а Жека записывал, поддакивая и поощряя потерпевшего. Он еще не понял, зачем напарнику нужна эта игра и почему не послать заявителя. На... на прием к психиатру.

– У нас тут все отлично, – усмехнулся он, подняв голову, когда вошел Соколовский. – Особые приметы – надпись на танке «Гена-огонь». Подозреваемый – Скорпион-004.

– Я его мочил со страшной силой! – подчеркнул Геннадий, сжав кулак для пущей убедительности.

– А настоящее имя этого Скорпиона знаете? Допросим.

– Не допросим, – вместо хозяина ответил Аверьянов. – Он из Аргентины. Фиг знает, где живет.

– Так что, парни? – с надеждой в голосе спросил Геннадий. – Как танк искать будем?

Родионова сидела в кабинете Пряникова, прижав трубку телефона к уху, и что-то быстро писала в блокноте. Соколовский и Жека уселись возле шефа и принялись докладывать.

– Родионова – что там? – перебил оперативников подполковник, видя, что Вика положила трубку.

– Опять танк, Андрей Васильевич, – ответила Вика, кладя трубку на стол. – Уже двадцать второй.

– Вот ведь зараза завелась, какая. Все понимаю, кошельки, телефоны, телевизоры из квартир! Но это! – Пряников покрутил головой так, как будто шею ему давил галстук. – Или я старею, не успеваю за этой жизнью, или мир постепенно сходит с ума. Ладно, Соколовский, что твой обещанный эксперт по виртуальному миру?

– В Южной Корее, по его сведениям, 70 тысяч подобных случаев за год, – сказал Игорь. – Вот и до нас волна докатилась. Виртуальные кражи виртуальных ценностей, виртуальные изнасилования, что нас еще ждет?

– Не надо ерничать, Соколовский, – хмуро сказал Пряников. – Виртуальная кража, она тоже кража. И по твоим же сведениям, затраты на эти танки у игроков вполне реальные и осязаемые. Так что, воруя игрушку, кто-то экономит свои деньги и не тратится на усовершенствование своих танков. Чистая кража, и корысть присутствует.

– Короче, мой знакомый, известный в определенных кругах, как Вайс, не поверил мне сначала, но когда мы с Аверьяновым ему сказали про 63 украденных танка за 4 часа...

– И что он? – нетерпеливо спросила Родионова.

– Говорит, что действовал профи, если не целая банда. Аккаунты, по его мнению, воруют с двумя целями. Либо с целью шантажа, то есть просят заплатить за возвращение, либо тупо играют сами. Поскольку никто пока не просил денег за возврат танков, то...

– То он ничем не может помочь? – недовольно предположил Пряников.

– У него условие, Андрей Васильевич. Когда мы поймем этого виртуального вора, мы дадим Вайсу возможность с ним познакомиться.

– Его еще поймать надо, – проворчал Пряников. – Так он возьмется за это?

– Уже взялся. Они там войдут в игру с новыми логинами, погоняются. Хоть один угнанный танк обязательно засветится. Ну, а дальше дело техники – определить откуда им управляют.

Сначала стали слышны далекие завывания полицейских сирен. Соколовский повернул голову на звук, все не решаясь еще раз подойти к Вике и попытаться снова уговорить ее пойти на курсы молодых мам. Расстроенный Жека топтался возле своего автораритета. У него другая проблема, как сказать своей жене Нине, что ее подарок вымотал ему все нервы.

«Гелентваген» с ревом влетел на парковку отделения полиции. Игорь видел, что машина несется прямо на него, он сделал шаг в сторону, второй и только теперь увидел, что за рулем Катя. Тысяча мыслей одновременно пронеслись в голове Соколовского. Хочет отомстить, убить? Меня, Вику? Просто разбиться самой всмятку о стену? Каким-то чудом Катя умудрилась затормозить и свернуть. Машина накренилась, еще немного, и она расплющит раритет Аверьянова. Но девушка снова успела вывернуть руль.

От того, что он увидел, у Игоря похолодело все внутри. Машина неслась на Вику, и уйти Вике было некуда, она прижалась спиной к стене дома и смотрела на машину. Бросившись со всех ног, Соколовский понимал, что ему уже не успеть, но стоять на месте он не мог. Визг резины, и машина встала. Чувствуя, что его сердце замерло и похолодело, Игорь подошел к «Гелентвагену» и, держась за переднее крыло, заглянул вперед. Вика стояла бледная, прикусив побелевшую губу и держась руками за живот. Машине не хватило буквально пары десятком сантиметров, чтобы убить ее. Игорь взял Вику за руку, вывел из-за машины и прижал к себе.

– Цела?

Вика молча кивнула и обессиленно повисла на руках Игоря. Стоять ей было трудно. Усадив женщину на лавку, он кинулся к машине, но Катя уже выбралась из нее сама. Девушка была пьяна, в руке бутылка виски. Она обвела пространство вокруг мутным взглядом, потом нашла Соколовского.

– Ну, чего ты там хотел? – еле шевеля губами, зло спросила она. – Справедливости?

Игорь поднял руки и пошел к Кате, пытаясь успокоить ее.

– Кать, тихо, давай поговорим...

– Хотел справедливости – получи! – снова, как робот, повторила Катя. Она вдруг размахнулась и с грохотом разбила бутылку об асфальт. Осколки стекла с брызгами коричневой жидкости полетели в разные стороны. – Вдребезги! Как моя жизнь! Потому что ты, как слон, со своей мезтью, раздавил, расколотил... Лучше бы ты сидел в инвалидном кресле! Было бы справедливо!

Катя остановилась, из ее глаз хлынули, наконец, слезы. На лице девушки была уже не боль, а полное отчаяние. Игорь подошел, взял ее за плечи, но Катя принялась молотить его кулачками в грудь.

– Что ты со мной сделал!

Сюрприз удался. Вика даже не нашлась, что возразить, когда в ее квартире выросла куча картонной упаковки. Кроватка, пеленальный столик, шкафчик для детской одежды. Он все это выбирал сам, долго и старательно. Впавшая немного в прострацию после событий на парковке возле отделения, Вика смотрела, как Игорь распаковывает коробки, показывает ей детали, цвет. Он ждал, что она улыбнется. Нет, не надо слов благодарности, «охов и ахов». Он хотел просто ее улыбки. Может, она в этот момент думала о Дане. Прошлое не отпускает...

Вика ушла на кухню поставить чайник, и тут на телефон Игорю пришло СМС-сообщение.

«Это было глупо», – написала Катя. И почти сразу второе: – «Прости».

«Уже простил». «Ты тоже прости».

«Просто я все еще...»

Катя не дописала, но Игорь и так понял, что она хотела сказать. Не отпускает прошлое. Или мы его сами не отпускаем? Не отпускаем любимых людей. Правда, они часто уходят сами. Навсегда.

Вчера Игорь снова просил Пряникова о помощи. И опять их разговор закончился ничем. Правда, Андрей Васильевич сказал, что делал запрос в архив МВД, но на Фишера там ничего нет. Исчезли данные. А если у человека есть возможность изъять данные из архива МВД, то с такой личностью лучше не связываться. И лучший вариант – просто жить дальше и не пытаться пробить лбом каменную стену. Нет, даже не стену, а целую скалу сдвинуть с места голыми руками. Это не по силам ни одному смертному.

Вика посмотрела на номер абонента и поспешно нажала кнопку.

– Есть?

– Есть, – тихо прозвучал голос Максима. Было ощущение, что он прикрывает трубку рукой. – Встретимся утром.

– Сегодня, – резко бросила Вика. – Сейчас.

– Ладно. Около меня, через 20 минут.

Вика стояла у входа в гаражный кооператив и нервничала. Неужели получилось, неужели Максим смог. Услышав шаги, она обернулась. Максим законспирировался довольно основательно. Видимо, он из дома вышел под предлогом выгулять собаку, которую тащил сейчас на поводке. Одет он был в темное и в руке держал пакет с мусором. Кивнув Вике, Максим двинулся к своему гаражу. Оглядываясь по сторонам, он отпер наконец дверь, пропустил Вику внутрь и вошел сам, затащив упирающуюся поскуливающую собаку. Женщина терпеливо смотрела, как из пакета с мусором Максим достает папку, завернутую в полиэтилен. Развернув, он протянул ее.

– Вот дело о покушении на Игнатьева.

Вика торопливо раскрыла папку и достала оттуда один-единственный лист – бумагу с надписью: «Дело изъято спецотделом».

– Что значит – изъято спецотделом? – настороженно спросила она.

– Значит, что дело забрали в ФСБ, – ответил Максим и кивнул на папку в руках женщины. – Ты лучше посмотри на фамилию следователя, который вел от МВД. «ПРЯНИКОВ А.В.». А ведь он тебе говорил, что не знал, кто вел дело.

Сидя на раскладушке, Соколовский старательно вырезал из фотографии в журнале лицо Фишера. Таких журналов, в которых была его фотография, скопилось в камерке Игоря много. И с некоторых пор этот процесс вырезания помогал ему думать. Зазвонивший телефон вывел его из состояния задумчивости. К огромному удивлению, он увидел, что звонила Катя.

– Привет.

– Игорь, пожалуйста, я не знаю, что делать, – услышался в трубке взволнованный срывающийся голос девушки.

– Ты где? – Соколовский тут же вскочил с раскладушки, уронив на пол ножницы и журнал с вырезками.

– Я у себя, в квесте. Приезжай, пожалуйста.

Интонации голоса Кати не выходили у Соколовского из головы, но он даже представить себе не мог того, что с ней произошло на самом деле. И когда девушка встретила его на улице, сжавшаяся в комок с глазами, полными страха, он понял, что случилось что-то из ряда вон выходящее.

Тело мужчины в хорошем деловом костюме висело там, где его несколько минут назад увидела Катя в помещении пустого квеста. Подтащив стремянку, оказавшуюся очень кстати неподалеку, Игорь проверил пульс, хотя нисколько не сомневался, что человек уже мертв. Он увел Катю в ее офис, включил электрический чайник, накинул ей на плечи свою куртку и сел рядом. Девушку

сильно трясло. И только после того, как он налил ей горячего сладкого чая и Катя начала пить, отчетливо постукивая зубами о края чашки, он стал ее расспрашивать.

- Я... хотела вернуть папину фирму, - рассказывала Катя, борясь с нервной дрожью. - Взяла весь свободный кэш, какой смогла, и наняла адвоката.

- Давно? - удивился Соколовский.

- Неделю назад. Мы должны были встретиться сегодня вечером. Тут, - Катя втянула голову в плечи и обвела кабинет глазами. - Обсудить стратегию. Он был уверен, что у нас неплохие шансы!

- Понятно, - вздохнул Игорь. - Адвокат средней руки из никому не известной адвокатской конторы?

- Единственный, кто согласился, - нервно усмехнулась Катя, покручивая чашку в пальцах. - Все, к кому я обращалась, не хотели связываться с Фишером. Боялись. Выходит, его повесили... из-за меня?

- Нет, Катюша. Это послание для меня.

- От кого? - уставилась на Соколовского девушка, потом в ее глазах появилось понимание. - От Фишера?

Дверь Катиной квартиры захлопнулась, отгородив ее и Игоря от всего мира. Знакомый запах заставил забиться сердце молодого человека где-то ближе к горлу. Катя повернулась к нему и прошептала:

- Спасибо тебе.

- Я все равно не спал, - мягко улыбнулся Игорь.

- Прости за то, что раньше... ну, с машиной...

- Уже простил, - прошептал он в ответ и взял девушку за плечи.

– И... Эти эсэмэски, которые я тебе писала... Тоже – прости, – сказала Катя, позволяя Игорю притянуть себя ближе. – Я, правда, постараюсь все забыть.

– Не надо, – ответил Игорь и наклонился к Катиным губам. Его куртка сползла с плеч девушки и упала на пол.

Вайс вошел в кабинет и, не глядя на Соколовского, стал с неподдельным интересом озираться по сторонам.

– Мило, – хмыкнул он. – Двадцатый век. Как в прошлое попал.

Наконец он подошел к Игорю, торжественно пожал ему руку и водрузил перед ним на стол ноутбук.

– Что, узнал? – осторожно спросил Соколовский, приглядываясь к компьютерному гению.

– Я нашел все танки, – с небрежной гордостью ответил Вайс. И постучал по крышке ноутбука. – Я всю ночь бродил по игре. И вот что нашел.

Открыв ноутбук, Вайс присел за стол рядом с Соколовским. После недолгих манипуляций на экране появилось изображение ангара с заметными следами гусениц перед закрытыми воротами.

– И что это? – нетерпеливо спросил Соколовский.

– Это ангар из игры. Тут все 63 танка, я пересчитал. Короче. Полночи я просто торчал в игре. Потом мне это надоело, и я связался с разработчиками. Мы пробили все угнанные аккаунты. Все – неактивны, и последний раз светились в одном месте карты. Я пошел туда, нашел это. – Снова манипуляции, дверь ангара открылась, и Соколовский с Вайсом как будто поплыли над стоящими рядами в ангаре танками самых разных моделей и годов. На одном из танков Игорь увидел надпись «Гена-огонь».

– Так кто же их угнал?

– А я не знаю. На них же не написано, кто ими управляет. Самое главное, что все это какая-то хрень непонятная. Угонять или играть, или требовать денег. А тут ничего не происходит.

– То есть, наш гений угнал танки, чтобы не играть? – Соколовский решительно поднялся из-за стола и закрыл крышку ноутбука. – Поехали! Есть один человек, которого эти игры достали. Думаю, он и есть твой гений!

Соколовский вошел в квартиру Кушников, едва ли не оттолкнув Геннадия плечом, и сразу двинулся на кухню.

– Вы сказали по телефону, что нашли вора. Что, серьезно? – торопился за ним следом озабоченный Геннадий!

– Серьезно, – заверил Соколовский, остановившись посреди кухни и обернувшись к мужчине. – Я вам даже его показать могу. Показать?

В дверях кухни появилось испуганное лицо Лиды. Геннадий, ничего не понимая, уставился на оперативника.

– В зеркало глянь?

– Че? – насупился Геннадий.

– Вы шутите, да? – тихо спросила Лида с болью в глазах.

– Какие шутки, – глядя Геннадию в глаза, заявил Соколовский. – Ваш муж на четыре миллиона рублей добра украл.

– Да я же сам вас вызвал! – заорал Геннадий.

– Классика, – спокойно улыбнулся Соколовский. – Для отвода глаз. Так часто делают.

Лида держала подошедшего Борю за плечи и растерянно смотрела то на мужа, то на Соколовского. Мальчик испуганно жался к матери.

- Но ведь Гена сам играет, - попыталась сказать Лида. - Как же...

- А я вам объясню как! - пожал Соколовский плечами. - Тут ведь все очевидно. Был у него один танк, а теперь 63! Мы нашли, куда ты их загнал! Ждал, пока все рассосется? Чтобы потом, как там у вас это называется, в рейды ходить по-крупному? На жену с ребенком забил, что у тебя есть-то еще, кроме этих танчиков?

- Я не виноват, - опустил голову Геннадий.

- А это следствие покажет! Давай собирайся на выход с вещами. Не в наручники же тебя!

Геннадий растерянно посмотрел на жену, когда Соколовский взял его локоть. Но тут вмешался Боря. Он вдруг вырвался из рук матери и бросился к отцу, вцепился в его руку и стал оттаскивать от Соколовского.

- Отпустите! - со слезами кричал мальчик. - Это я сделал! Не папа! Отпустите его!

Соколовский отпустил руку Геннадия и присел на корточки перед мальчиком.

- И зачем? - спросил он.

- Чтобы папа больше не играл! - всхлипывая, торопливо заговорил мальчик. - Чтобы мама с папой остались!

- Боря, господи... - уставившись на сына, прошептала мать.

- Борька? - в гневе прикрикнул Геннадий, но Соколовский только отмахнулся от него.

- Короче, ты все 63 танка угнал? - спросил он мальчика.

- Да, - кивнул мальчик головой и шмыгнул носом.

- Зачем столько? У отца угнал бы один танк, и хватит.

- А потому что вы сказали, что раз только его танк угнали, значит, это против него кто-то, - рассудительно заговорил Боря. - И что найдете быстро, сказали...

- Заметал следы, - вздохнул Соколовский. - Ясно.

- Дядя, а что вы теперь со мной сделаете?

- Все зависит от того, - погрозил ему пальцем Соколовский, - как быстро ты все можешь исправить.

Вика с Аверьяновым вышли из здания отделения полиции. Жека предложил подвести, но Вика только покачала головой. Он смотрел ей вслед, грустно поигрывая ключами от машины. Походка у Родионовой стала уже тяжеловатой. Присев на крыло машины, Жека стал задумчиво смотреть в ночь, вспоминая, как они познакомились с Соколовским. Тогда, на ночной дороге, когда пистолет Дани улетел в канализацию. Сколько всего произошло за это время.

Игорь затормозил рядом в Родионовой и снял с головы мотоциклетный шлем.

- Ты куда?

- Домой.

- Извини, - Соколовский побарабанил по шлему пальцами и сконфуженно улыбнулся. - Тут накладка вышла. Ты по-прежнему записана на курсы молодых родителей. И сегодня первое занятие.

Вика стояла и молча смотрела на Соколовского. Игорь посмотрел ей в глаза, пытаясь понять, о чем Вика сейчас думает, что ответит и какая вообще будет реакция. Но Родионова просто стояла и смотрела на него.

– И чтобы ты не чувствовала там себя одинокой, – выпалил он наконец, – я записался вместе с тобой...

– Игорь, куда ты спешишь? – грустно спросила Вика.

– Спешу? – не понял Соколовский.

– У тебя все еще будет в жизни. Съездишь ты еще на эти курсы. Просто не со мной. А с тем, кому это действительно будет нужно.

Вика повернулась и пошла по улице. Соколовский остался сидеть на своем мотоцикле, глядя ей вслед немного растерянно, немного разочарованно. А чего он ждал от Вики? Этого он и сам не знал.

– Нинок, тут машина забарахлила, – услышал Игорь голос Жеки с парковки. Аверьянов топтался возле своего автораритета и разговаривал по мобильнику с женой. – Я ее пока у отдела брошу, а сам пешком... Я на трамвае, быстро!

Соколовский завел мотоцикл, натянул на голову шлем. Он сорвался с места и понесся по ночному городу, как будто хотел удрать от себя или догнать то, что все время ускользало из его рук. А может, он это делал просто от злости... на себя.

Звонок на мобильник заставил его сбросить скорость и остановиться. Нажав кнопку на гарнитуре, он ответил:

– Да?

– Ты получил мое сообщение? – спросил голос Фишера.

– Зачем ты ее впутал? – зло крикнул Соколовский.

– Я думал, ты скажешь мне спасибо. Вы с Катей друг другу подходите.

– Не лезь в мою жизнь! – еле сдерживаясь, снова крикнул Соколовский.

- Ты еще не понял? - удивился Фишер. - Это не твоя жизнь. Это моя игра.

- Но по моим правилам! - в запале ответил Соколовский, не обратив внимания, что по обе стороны от него останавливаются две машины. И когда он увидел выбежавших крепких парней, то повернуть ручку газа уже не успел. Его стащили с ревущего мотоцикла и потащили в минивэн. Соколовский пытался сопротивляться, но силы были не равны.

Васильев и Фишер с цветами в руках неторопливо шли по кладбищу. Возле могилы с фотографиями родителей Соколовского они остановились, глядя на памятник.

- Мне кажется, вы зря делаете ставку на Соколовского, - сказал Васильев. - Он непредсказуем.

- Ну что вы, - возразил Фишер. - Он очень предсказуем. Он не умеет останавливаться. И будет продолжать искать. А значит, он уже работает на меня. - Постояв перед могилой, Фишер произнес, глядя на фотографии: - Ну что, Аня, Вова? Как вы теперь ему поможете? Занимайте первые ряды. И горите в аду.

Соколовского подтолкнули в спину, и ему пришлось выйти вперед. Охранники остались на месте. Игорь осмотрелся. Оформление комнаты чем-то напоминало зал судебного заседания.

- Ну и что у нас за игра? - громко с вызовом спросил он в пространство. - Прятки?!

Мягко зашелестели колеса, и из соседней темной комнаты выехал человек на инвалидном кресле. Игорь повернулся, узнав Игнатьева. Быстро же он поправился. Игнатьев тяжело поднялся, опираясь на палку. Видно, что стоять ему очень тяжело, но он все равно стоит.

- Никаких игр, - процедил сквозь зубы Игнатьев, глядя в глаза Соколовскому. - Мочить будем по-взрослому. Интересует?

– Аркадий Викторович – с иронией заметил Соколовский, – да вы в отличной форме.

– Ты даже не представляешь в какой, – снова сквозь зубы сказал Игнатъев.

Глава 2

Игнатъев все же оперся спиной о стену. Стоять ему было еще трудно, но Соколовского поразили упрямство и внутренняя сила, которые выражали его глаза. И Катька вся в него, подумал Игорь. То, что сейчас скажет Игнатъев, было предположить не сложно.

– Я собираюсь вернуть все, что у нас отняли. Мне нужен напарник, – еще слабым, но резким голосом сказал мужчина.

– Мы вряд ли сработаемся, – покачал головой Соколовский.

– Ты – худший вариант, это верно. Но цель у нас общая.

– Вы не понимаете, – твердо заявил Игорь. – Я хочу его посадить. По закону. Как мент преступника. самого обычного преступника, и независимо от его положения в обществе.

Игнатъев с трудом выпрямился, встал прямо и, сильно хромя, подошел к Игорю. В его глазах промелькнула злая ирония.

– Его многие пытались посадить. Люди самого высокого уровня, но ни у кого из них не вышло. У тебя тоже не получится.

– Можем попробовать вместе, – предложил Соколовский.

– Мне это неинтересно, – качнул отрицательно головой Игнатъев.

– Тогда не договоримся, Аркадий Викторович, – вздохнул Соколовский. – Но я рад, что вы в форме.

Повернувшись, Игорь пошел к выходу. Игнатъев молчал, и охранники явно не знали, что делать.

– Парни, у меня доставка в одну сторону оплачена, или туда и обратно? – поинтересовался Соколовский. Не дождавшись ответа от охранников и тем более от Игнатъева, он кивнул. – Понял, слишком сложный вопрос.

Подъезжая на такси к тому перекрестку, возле которого люди Игнатъева затолкали его в машину, Соколовский уже издалека понял, что своего мотоцикла он там не найдет. Расплатившись с водителем, он вышел из машины и потоптался, озираясь вокруг. Мотоцикла не было. Да, за это время, что он отсутствовал, мотоцикл можно было спокойно даже на руках откатить квартала на два отсюда.

– Вашу мать, – пробормотал Соколовский и, вернувшись на тротуар, пошел не спеша в сторону своего дома.

Подумать было о чем. Игнатъев поправляется, и кое-кому это не доставит радости, кое у кого будут большие проблемы, потому что он боец. И пока Игнатъев жив, он будет драться за свое насмерть. Для него нет границ и условностей. Хорошо все, что плохо твоему врагу. И то, что он считает своим, он заберет, чего бы это ему ни стоило. И это Игнатъев уже доказал.

Возле подъезда своего дома Соколовский замедлил шаг. Прямо перед дверью красовался его мотоцикл с подарочной ленточкой на руле. С лавки у подъезда поднялась Катя.

– Ого. Не ожидал тебя тут увидеть, – пытаюсь как-то связать одновременное появление дочери Игнатъева и своего мотоцикла.

– Жаль, что ты меня не ожидал, – ежась от прохлады, грустно ответила девушка.

– Спасибо за мотоцикл, – пощупав рукой ленточку, сказал Игорь. – Тяжело было?

– В смысле?

– А разве... Ладно, проехали, – Игорь откатил мотоцикл от двери и распахнул ее. – Хотела посмотреть, как я живу? Добро пожаловать в мой замок. Сегодня я на седьмом этаже северной башни.

Первое, что бросилось Кате в глаза, это стена, увешанная газетными вырезками, листами каких-то протоколов, справок, заключения о закрытии уголовных дел. Биржевые графики чередовались статьями о Фишере и покушении на Игнатьева. И центре этого «панно» вырезка из делового журнала, посвященная приходу нового игрока на бизнес-арену. Соколовский наблюдал за лицом девушки. Как грустное выражение сменялось интересом, а потом ее черты исказила ненависть.

– Ты нашел что-нибудь на Фишера? – спросила она, не поворачивая головы.

– Нет, но найду, – пообещал Игорь. Потом помолчал и добавил: – И со мной по-прежнему опасно.

– Мне кажется, что со мной тоже, – ответила Катя и подошла к Соколовскому вплотную. – Я поняла тебя давно. Жаль, только вчера простила.

Взяв решительно лицо Игоря в свои ладони, она прижалась своими мягкими теплыми губами к его губам.

В ангаре было пусто и тихо. Только что уехали представители фирмы, сменившей вывеску «ООО АВТОВОЗ» над воротами. Какие-то сволочи ночью забросали предыдущую вывеску пакетами с краской. Хотя почему какие-то? Александр Иванович Антонов прекрасно знал, кто стоит за этим.

– Мы все еще можем договориться, – явно сдерживаясь, твердил он в телефонную трубку, медленно идя между маршрутками, загнанными в ангар на ремонт или профилактику. – Да какая разница, что официально решили... Главное, чтобы решили мы с тобой!

Басовитый голос Антонова отдавался эхом под крышей ангара. Наклонив упрямо голову, хозяин «АВТОВОЗА» пытался держать ситуацию крепко в руках. Вражда на рынке еще никому пользы не приносила.

– Ну, если где перегнули мои пацаны, ну скажи ты по-человечески – я с ними разберусь...

Погруженный в проблему, Антонов не видел, как в ангар скользнула фигура человека. Невысокий, коренастый мужчина с «балаклавой», опущенной на лицо, мягко шел вдоль стены, прячась за маршрутками. Неслышно наклонившись, он поднял с пола лом.

– Давай встречаться и говорить, назначь время и место, – продолжал настаивать Антонов, остановившись перед микроавтобусом, поднятым на домкратах.

Договорить предприниматель не успел. С металлическим лязгом лом вошел под ручку домкрата. Антонов успел обернуться на звук и увидеть, как машина соскочила с домкратов и покатила на него. Отскочить мужчине была уже некуда, потому что за его спиной была стена.

Заехав на свое парковочное место возле отделения полиции, Соколовский обратил внимание на стоявшую рядом серебристо-серую «Тойоту». Машину припарковали идеально между белыми линиями, хоть с сантиметром проверь. Обычно сотрудники второпях бросают машины как попало. Да и сама иномарка, несмотря на свой возраст, а модель была пяти- или семилетней давности, тоже выглядела идеально. Почти как новенькая. Видимо, очень аккуратный хозяин, подумал Соколовский, слезая с мотоцикла. Патологически.

Сняв шлем, Соколовский увидел подходившего к нему Аверьянова с трагическим лицом.

– Игорь, выручай, – чуть ли не со стоном попросил Жека. – Нужна помощь!

– Странно слышать это от человека, тесть которого входит в десятку Форбс, – засмеялся Соколовский.

– Он то входит, то выходит, и дело вообще не в этом! – отмахнулся Жека. – Тут дело в другом. Нина! Приезжает двоюродный брат Нины...

– А, помню-помню, – Соколовский посмотрел на Жеку с большим сожалением. – Говнюк-Олежка приезжает!

Аверьянов испуганно посмотрел на Игоря и обреченно добавил:

– Нинель хочет, чтобы мы подружались.

– Ну, это просто, уверяю тебя, – Соколовский похлопал коллегу по плечу. – Ты, главное, не спорь с ним.

– В смысле? – не понял Жека. – О чем не спорить?

– А, ни о чем. По всем вопросам существует только два мнения – его и неверное. А это чья? – Соколовский кивнул на иномарку, припаркованную рядом.

– Не знаю. Когда я приехал, она уже стояла здесь.

Рабочий день в отделении полиции начинался шумно. Кого-то уже с самого утра склоняло начальство, кто-то нес папки с документами, завернув руки за спину, провели в дежурную часть задержанного. Соколовский с Аверьяновым подошли к двери своего кабинета, обсуждая родственников Нинель, которых Соколовский давно и очень хорошо знал. Но распахнув дверь и войдя в кабинет, оба замерли на месте и замолчали. За столом Дани сидел мужчина лет сорока в идеальном костюме и по-хозяйски раскладывал свои вещи, которые доставал из портфеля. Папку, карандаши, еще какую-то канцелярскую мелочь он раскладывал на столе в идеальном порядке. Все, что ему было не нужно или мешало, он бросал в картонную коробку, стоявшую на полу.

– Слушайте, – первым спросил Жека, – а вы кто?

– Капитан полиции Валерий Симоненко, – старательно выговаривая каждое слово, ответил мужчина.

– Этот стол занят, – вежливо вмешался Соколовский.

Дверь распахнулась, и на пороге появилась Родионова. Уставившись на незнакомца, она вдруг переменялась в лице и, не отреагировав на произнесенное Симоненко «доброе утро», тут же вышла, грохнув дверь.

– Это что сейчас было? – Аверьянов посмотрел на Игоря.

Соколовский не ответил. Подойдя к столу, он остановился перед капитаном и попросил:

– Валера, может, расскажешь о себе?

– Неправильно, – тоном воспитателя ответил Симоненко.

– Что не правильно? – не понял Игорь.

– «Валера» можно сказать другу, – не поднимая глаз и не прекращая своего занятия, стал пояснять мужчина. – А мы не друзья. Так что либо «Валерий», либо «товарищ капитан Симоненко».

Родионова ворвалась в кабинет начальника отделения полиции с горящими от негодования глазами. Пряников сразу понял, о чем пойдет речь, и с порога остановил Вику.

– Я говорил тебе, если не подберешь замену, то я подберу сам? Говорил?

– Почему его? – возмущенно спросила Родионова.

– Потому что он отличный следователь. Лучший!

– И что, ему негде работать? – Вика нависла над столом Пряникова, уперев в крышку стола кулаки.

– У него все отлично, у него раскрываемость 70 процентов, Родионова. Так что не дури. Это он нам нужен, а не мы ему! Короче. Вводи в курс дела, он заменит тебя на время твоего декрета.

– Андрей Васильевич, – недобро прищурилась Вика, – вот честно, вы на что рассчитывали? Что я сразу заявление об уходе напишу?

Пряников молча взял из стопки на столе чистый лист бумаги, подвинул его к Родионовой и сверху положил авторучку. Вика несколько секунд сверлила начальника глазами, потом села и начала писать. Дописав, она вскочила и вышла из кабинета, хлопнув дверью.

Симоненко с самым серьезным видом затачивал аккуратными движениями уже третий карандаш, когда в кабинет ворвалась Родионова. Она положила перед ним листок бумаги с заполненным заявлением и резко сказала:

– Подписывай.

Симоненко взял лист бумаги, принесенный Викой только после того, как закончил затачивать карандаш. Пробежав глазами текст, он невозмутимо заметил:

– Тут ошибка. Заявление не написано мною лично. И в качестве причины указана психологическая несовместимость с коллективом.

– Ты же умный человек, – сердито заявила Родионова. – Ты знаешь, как все будет.

– Конечно, знаю, – спокойно ответил Симоненко и, сложив лист бумаги в несколько раз, опустил его в урну для мусора. – С Аверьяновым мы сработаемся. Хотя и не быстро. С Соколовским – нет. Помешают эмоции.

– Я не понял – какие эмоции? – начал терять терпение Жека.

– Я все объясню, ребята, – решила Вика. – Он мой первый начальник. И гражданский муж. Бывший.

– Вот именно, – ответил Симоненко, как будто именно он все объяснил, а не Вика.

Родионова открыла было рот, чтобы ответить, но тут распахнулась дверь, и на пороге кабинета появился озабоченный Пряников.

- У нас вызов, - приказал он. - Едут Соколовский и Симоненко.

- Товарищ подполковник, разрешите, я с Соколовским поеду? - с готовностью вскочил из-за своего стола Аверьянов, поправляя кобуру на брючном ремне.

- Не разрешаю! - отрезал Пряников.

- Быстрее сработаемся, да, Валера? - направляясь к выходу, осведомился Соколовский язвительным тоном.

- Валерий - без тени раздражения, поправил его Симоненко.

- Так точно, господин капитан.

Жека проводил взглядом Симоненко и угрюмо пообещал:

- Ни фиги не сработаемся.

В ангаре было тихо. Скучавший у входа участковый вяло козырнул и доложил:

- Я уже все в рапорте написал.

- Я видел, - отозвался Симоненко, проходя мимо, и пообещал. - Перепишем.

Участковый пожал плечами, перехватил поудобнее свою объемистую папку и снова привалился плечом к стене у входа в ангар. Соколовский из принципа не пошел рядом с Симоненко, а стал осматривать место происшествия по своему маршруту. В принципе, осматривать было особенно нечего. Все просто и очевидно. Вот лом, которым подцепили рычаг домкрата, вот микроавтобус, сорвавшийся в результате с домкратов и придавивший к стене предпринимателя. А вон и кровь на стене.

- Напугать пытались, – сделал вывод Соколовский. – Уж точно не убить.

- Быстрый вывод, – укоризненно заметил Симоненко.

- Да, просто есть очевидные признаки, – ответил Игорь. – Пострадавший сам вызвал помощь. При желании преступники могли бы его легко добить.

- Все у тебя легко, – неодобрительно заметил Симоненко.

- С тобой не очень, – уточнил Соколовский, подойдя к капитану.

- Со мной как положено, – натягивая пластиковые перчатки для осмотра вещественных доказательств, ответил Симоненко. – Вы в отделе привыкли по-другому. Ничего. Перестроитесь.

- Ты же знаешь, что Вике сейчас главное – покой?

Симоненко поднял мобильный телефон пострадавшего и стал его осматривать, пощелкал кнопками, изучая журнал вызовов.

- Дело не в капитане Родионовой, – сказал он, не поворачивая головы. – Ты расследуешь, как будто приехал на молодежную тусовку. Пришел, посмотрел и сразу сделал вывод. А нужно разобраться в причинах.

- Поехали к потерпевшему, там и выясним причины, – предложил Соколовский.

- Уже составил список вопросов? – снимая перчатки, осведомился Симоненко и наконец-то посмотрел на Игоря.

- Надо выяснить, кто знал, что он будет здесь один.

- А еще: рассмотрел ли он нападавшего, – стал монотонно перечислять Симоненко, – и кто такой абонент «Хасанов», с которым он разговаривал во время нападения.

Выходя из ангара, Соколовский остановился и сделал приглашающий жест рукой, пропуская Симоненко вперед.

– Так точно. После вас, господин капитан.

– Товарищ капитан, – без всяких эмоций поправил его Симоненко.

В холле больницы оказалось на редкостьлюдно. Несколько мужчин стояли у окна, тихо переговариваясь. На стуле сидела заплаканная молодая женщина, обнимающая девочку-подростка. Пока Симоненко выяснял, где находится Антонов и что группа молодых мужчин – водители его фирмы, Соколовский присматривался к лицам мужчин. Один даже в темных очках, хотя в помещении было даже темновато. Женщина с девочкой оказались женой и дочерью Антонова. И с них Симоненко начал допрос, выясняя первым делом были ли застрахованы жизнь и здоровье предпринимателя. Водители прислушивались к допросу и начинали потихоньку ворчать. Симоненко повернулся и заставил всех замолчать одной лишь фразой.

– Вообще-то, я хотел бы знать алиби каждого на момент нападения. Так что вы там подумайте пока.

Хмуро переглядываясь, водители замолчали. Соколовский подошел к ним с участливой улыбкой и кивнул на следователя.

– Он такой, вы с ним поосторожнее. Ему на все вопросы придется ответить. В том числе и на вопрос – откуда вот это?

Взяв за руку одного из водителей, Соколовский поднял ее, демонстрируя разбитые костяшки пальцев. Водитель отдернул руку, но Соколовский приподнял темные очки другого. Под очками, как и следовало ожидать, обнаружили синяк и ссадина возле глаза. У третьего ссадина на ключице, хорошо видная в вороте рубашки.

– Откуда нужно! – буркнул высокий водитель.

- «Откуда нужно» - это не ответ, - констатировал Симоненко и, поднявшись со стула, подошел к водителям.

- Слава, - высокий водитель кивнул коренастому мужчине с разбитыми пальцами. - Объясни им. А то я... нервничаю.

- Отойдем поговорим? - покосившись на жену хозяина, предложил коренастый.

- Поговорите, - согласился Симоненко. - Я узнаю прогноз у врачей.

Валера прошел дальше по коридору, не обращая внимания на раздраженные взгляды водителей.

На ступенях у входа в отделение водитель закурил, посмотрел на свои костяшки и заговорил глухим голосом, чуть сутуля плечи.

- Нас две бригады на районе. Мы, ну в смысле «АВТОВОЗ» и хасановская «Колесница». Машин и у нас, и у Хасанова примерно поровну, заработка хватало всем. Антонов на лицензию документы подал первым. Подсуетился вовремя, но у Хасанова родня в комиссии. Поэтому они лицензию получили, а мы - нет.

- Но работать продолжили, - догадался Соколовский. - И нарвались на разборку?

Соколовский внимательно смотрел на водителя. Тот помедлил, глубоко затягиваясь сигаретой, потом кивнул и, оглянувшись по сторонам, задрал рубашку, показывая фиолетовый синяк на боку.

- Наваляли они нам по первое число. Но дрались честно, тут мы без претензий.

Соколовский вошел в палату, когда Симоненко уже допрашивал предпринимателя. Антонов лежал бледный, с гипсом на ноге, с перевязанными грудью и головой.

- Гражданин Хасанов угрожал вашему здоровью?

- Нет... Не помню... - тихо ответил Антонов. - Ругались... Но угроз не помню...

- Хасанов мог знать, что в момент разговора вы будете в ангаре один? – спросил Симоненко.

- Не знаю... – подумав, ответил предприниматель. – Может быть, и знал...

- Не знаете или «может быть»? – продолжал настаивать следователь.

Дверь в палату открылась, и вошли жена Антонова с дочерью. Симоненко недовольно посмотрел на них, не делая попытки встать и уступить женщине место у кровати раненого.

- Проходите, проходите, – Соколовский поддержал женщину под руку, увидев, как она пошатнулась, увидев мужа в таком состоянии. – Мы закончили.

- Сашенька, как ты? – женщина вцепилась в руку Антонова и снова заплакала.

- Папа, врачи говорят, все хорошо прошло! – присела к отцу девочка.

Соколовский стал делать знаки, что им лучше уйти и дать родным побыть вместе, но Симоненко его жесты игнорировал и выжидающе смотрел на Антонова.

- Я жду.

- Может, и знал, – наконец ответил предприниматель.

Записав его ответ, Симоненко поднялся и, проходя мимо Соколовского, сказал с нажимом:

- Вот теперь закончили.

Вика слушала Соколовского и все пыталась понять, что у них с Валерой произошло во время совместного выезда в «АВТОВОЗ». Неужели поладили? Дверь распахнулась, и в кабинет шагнул Пряников. Он подозрительно посмотрел на Родионову и Соколовского.

– Рабочая версия – разборки конкурентов, – переключился Игорь на доклад подполковнику. – В настоящий момент проверяем алиби у всех. Рапорт утром...

– Симоненко уже прислал, – буркнул Пряников. – Свободны.

Пряников ушел так же неожиданно, как и появился. Вика поднялась из-за стола и принялась собираться домой, складывая в сумочку личные вещи. Пауза явно затянулась. И если промолчать еще с полминуты, то Вика просто уйдет.

– Давай, угадаю, сколько ты выдержала? – предложил он.

– Не надо угадывать. Я тебе и так скажу: прожили год, потом я от него просто сбежала. До завтра.

Соколовский преградил путь Родионовой в дверях и, пытаясь заглянуть ей в глаза, напомнил:

– У тебя детская кроватка осталась несобранной.

– Не сегодня, – тихо ответила Вика, не посмотрев Игорю в глаза.

Соколовский машинально отступил в сторону, пропустив Вику. Дверь закрылась, и за ней затихли женские шаги.

Вика шла домой, опустив глаза и глядя себе под ноги. Со стороны могло показаться, что идет беременная уставшая женщина, погруженная в свои мысли о ребенке, пеленках и тому подобном. На самом же деле мысли металась в женской голове, заставляя злиться, негодовать и отчаянно пытаться понять, что же происходит. Где Пряников разыскал Валеру? И для чего? И когда она открыла входную дверь и протянула руку, чтобы положить на тумбочку ключи, взгляд ее замер на черной кожаной папке. Это была папка Валеры. А внизу, возле тумбочки аккуратно и ровно стояли его же ботинки.

– Аня! – громко позвала Вика сестру. – Выйди на минуточку!

Но на ее зов вышел только Валера. Он благосклонно покивал головой, как будто умел читать мысли и все знал за Вику наперед. Даже все ее мысли.

- Не волнуйся, - спокойно заявил он. - Я уже ухожу.

- Аня! - игнорируя Симоненко, снова стала звать Вика.

- Она в магазине, - по своей обычной привычке стал объяснять Валера. - Я тебе там повесил памятку, по диете. Есть нужно 5-6 раз в день. По чуть-чуть. И нужны витамины.

- Я пью витамины, - еле сдерживаясь, ответила Вика.

- У тебя для первого триместра, - продолжил Симоненко, не обращая внимания на раздражение бывшей жены.

- Я разберусь!

- Конечно, - согласился мужчина, аккуратно с ложечкой надевая ботинки. - У тебя в ванной полка разболталась, я подтянул. И в аптечке беспорядок был. Теперь под рукой все. Ничего лишнего. И завтра привезут матрас.

- Что? - опешила Вика.

- Специальный, - пояснил Симоненко. - У тебя наверняка отваливается спина.

- Я к тебе не вернусь, - со злостью ответила Вика. - Даже и не думай об этом!

Застегнув куртку, Валера полез в карман, достал и положил на тумбочку кольцо.

- Ты забыла. Тогда, ночью.

- Я не забыла, - ответила Вика, еле сдерживаясь, чтобы не повысить голос. - Я ушла.

– И ни разу не думала, как бы все сложилось, если бы осталась? Все было бы иначе. А сейчас что? Родить ребенка от погибшего мужчины. Быть матерью-одиночкой. Совершить подвиг! Только подвиг не нужен, – остановившись в дверях, он, не меняя интонации, добавил: – Да, и детскую кроватку я тоже починил. Ты же просто не понимаешь: я знаю все, что тебе сейчас нужно.

Михаил Панин в группе водителей «АВТОВОЗА» был, пожалуй, самым активным борцом за свои права. Драться он умел, и в той последней потасовке ему досталось меньше других. Но, несмотря на это, Панин считал, что кулаки – не метод решения проблемы. Проблему решать надо в корне и сразу. А не наскоками, угрозами и регулярными драками стенка на стенку. Он предлагал горячим головам из «АВТОВОЗА», да и самому Антонову зайти с другой стороны. Или поискать хороших надежных знакомых в правоохранительных органах, кто бы за деньги или по знакомству разобрался в том, каким способом Хасанов получил лицензию. Или в городской администрации, чтобы там как-то поменяли мнение относительно достойного перевозчика.

Антонов отнекивался, считал, что это бесполезная потеря времени и что договариваться надо с самим Хасановым. Дружить надо, а не конфликтовать до бесконечности. И сейчас, стоя у кассы супермаркета с тележкой, он разговаривал по телефону с Колей Ильиным, убеждая его, что Хасанов и его ребята ничего не смогут сделать против своих конкурентов, что драк, скорее всего, больше не будет. И не стоит в них ввязываться, пока кого-то не покалечили и не возбудили уголовное дело. И так уже досталось Антонову, но теперь нужно быть осторожнее...

Прижав телефон щекой к плечу, Панин поспешно стал заканчивать разговор и полез рукой в карман за бумажником. Пришло время оплачивать покупки. Он не заметил, как мимо касс прошел какой-то невысокий коренастый человек в «балаклаве». Как этот человек вдруг резко наклонился и схватил маленького сына Панина, уже вышедшего, чтобы не мешаться отцу, из кассовой зоны. И только услышав крик сынишки, Панин поднял голову, увидев лишь спину мужчины, который тащил его мальчика через дверь на улицу. Перемахнув через тележку и чуть не свалив с ног попавшуюся на пути женщину, Панин бросился к выходу. Незнакомый толкнул мальчика на сиденье машины и резко тронулся с места.

– Туда, к выезду! Там ближе! – крикнул подоспевший охранник. – А я за ментами.

– Сука, стой! – заорал обезумевший Панин и побежал к шлагбауму.

Он чувствовал, что успевает добежать туда первым. Но что дальше? Голыми руками остановить машину? Лом какой-нибудь, камень! Шлагбаум, который опускается только на ночь, опустить сейчас, но там замок. Сломать?

Мужчина успел увидеть, что номера запыленной невзрачной «Лады»-«десятки» заклеены бумагой или непрозрачным скотчем. Машина неожиданно остановилась, распахнулась задняя дверь, и сын Панина буквально вывалился на асфальт.

– Павлик! – Панин упал на колени возле сына, поднимая его, отряхивая. – Как ты, живой? Испугался? Кто это был?

Он подхватил сына на руки, а перепуганный мальчик, что было силы, вцепился в шею отца.

Родионова закончила допрос, Панин, не выпуская сына из рук, хмуро кивнул и пошел к выходу. Соколовский догнал его уже на парковке возле машины.

– Извините, еще один вопрос, Михаил! – сказал Игорь, подходя к водителю. – А с кем вы говорили по телефону? Перед тем как все случилось?

– С Роговым, а что? – удивился Панин.

– А где был Рогов в этот момент, вы знаете?

– Да, он сказал, что был у Антонова в больнице.

Панин с сыном уехали, а Соколовский продолжал стоять, глядя задумчиво вслед машине. Аверьянов и Вика подошли к нему.

– Ты чего, Игорь? – спросил Жека.

– Знаете, что мне пришло в голову, – сказал Соколовский. – Тот, кто напал на Антонова, знал, что тот будет один, в ангаре. Тот, кто пытался украсть ребенка

Панина, знал, что он каждый день в это время везет ребенка в школу.

- Действует кто-то из своих? - догадалась Вика.

- Именно, - убежденно подтвердил Соколовский. - Хасанов мог заплатить кому-то из водителей «АВТОВОЗА». И мне почему-то кажется, что заплатил он Рогову.

- Заплатил чужому, чтобы не мараться самому? А че, удобно, - согласился Жека.

- Хорошо, Игорь, - Вика серьезно посмотрела на Соколовского. - Мы с Жекой в «Колесницу», а ты отработай свою версию.

Соколовский шел по больничному коридору, придерживая под мышкой мотоциклетный шлем. Дойдя до холла, он остановился. Рогов сидел в кресле с журналом в руках. Водитель тут же поднял голову и вежливой готовностью поздоровался с оперативником.

- Ну как? - поинтересовался он. - Нашли?

- Ищем, - не стал обнадеживать мужчину Соколовский. - Давно вы тут сидите?

- С утра, - пожал Рогов плечами. - Привез Сане одежду, журналов полистать. Сижу, спешить все равно некуда. Работы-то нет.

- А к Антонову сейчас можно?

- Можно. Там Надя у него сейчас.

Удивительно, но его подозрения, ни сам Антонов, ни его жена не подтвердили. Они отнеслись к подозрениям Соколовского относительно причастности Рогова к покушению скептически. Он, видите ли, днюет и ночует в больнице, он как член семьи для Антоновых. И девочку возит в школу, и продукты привозит. И сегодня, как показал Антонов, Рогов с 7 утра в больнице. Не в палате, конечно, но, наверное, там, в холле. Озадаченный Соколовский вышел из палаты и увидел Рогова с трубкой телефона возле уха. Тот принялся возмущаться, что полиция снова ничего не делает. Вон и у Панина, оказывается, сына чуть не похитили, а полиция не шевелится.

Катя не сразу решилась нажать на кнопку звонка. Но раз пришла, то надо доводить дело до конца. Кроме того, что жена повешенного юриста могла что-то знать такого, чего не сказала полиции. Во-вторых, Катя в большом долгу перед этой женщиной. Ведь это из-за Катиных дел погиб человек, кормилец семьи.

Девушка давила на звонок почти минуту. В квартире кто-то был, потому что с улицы в окнах был виден свет. Наконец щелкнул замок, и дверь чуть приоткрылась. В щель на Катю смотрело лицо осунувшейся усталой женщины.

- Вам кого? - неприязненно спросила женщина.

- Здравствуйте, - торопливо заговорила девушка, опасаясь, что женщина захлопнет дверь. - Я Екатерина Игнатъева, и... Ваш муж... Его... Нашли вчера, в моем квесте.

- Да сколько ж можно, - сморщилась женщина и покачала головой.

- Я пришла извиниться, - заторопилась Катя еще больше. - Я разберусь, кто слил в интернет, и... я знаю, полиция уже ищет убийцу...

- Какого убийцу, о чем вы? - удивилась женщина, уставившись на гостью. - Оставьте меня в покое. Я ведь уже сообщила в полицию. Я... и предсмертную записку отдала им...

Она делает глубокий вдох - собирается с силами. - Это - самоубийство.

- Постойте, то есть, - Катя смотрела на вдову ошарашенно, но женщина не дала ей договорить.

- Самоубийство! Кого вы наказывать собрались? Что расследовать?!

Женщина стала закрывать дверь, но Катя успела сунуть в щель ладонь.

- Скажите правду, - громким шепотом потребовала она. - Вам угрожают?

Женщина в смятении смотрит на Катю.

– Вы ничего не измените, – услышала она в ответ, прежде чем дверь захлопнулась окончательно.

Благодаря Вике Пряников принял точку зрения Соколовского. Много натяжек, но сама схема выглядела убедительно. Рогова видели все, и никто толком не мог вспомнить, именно в ту минуту был ли он на месте. Ни в момент, когда Антонова придавило машиной, ни когда имитировали похищение сына Панина. Ведь ничто не мешало неизвестному уехать с парковки супермаркета, но он остановился и высадил мальчишку. Значит, было намерение напугать, как и в случае с покушением на Антонова. Убивать его не собирались. В больнице Рогова видели, но он все время был то с медсестрами, то в туалете заговаривал с санитарями, то задавал в коридоре вопросы врачам. И во время похищения сына Панина Рогов якобы отвозил дочь Антонова в спортивную секцию и привозил назад. Но вот никто не видел, что он все время был там и ждал девочку.

И сейчас в кафе «Очаг», где сидели Хасанов и семь его водителей, за столиком хорошо было видно и Рогова. Водитель что-то горячо объясняет или доказывает Хасанову, тот кивает. Но с чем-то не согласны водители. Спор разгорается. Жека сделал было шаг вперед, но Родионова его остановила, предлагая подождать еще.

– Уходит, – показал Жека рукой на Рогова, который поднялся из-за стола и направился к туалетам.

Вика и Аверьянов с видом гуляющей парочки вошли в кафе и заняли столик у самого выхода, чтобы помешать Рогову покинуть кафе. Соколовский пошел прямо к столу и сел напротив удивленного Хасанова.

– Сколько вы ему заплатили? – без всяких предисловий спросил Игорь.

– Кому? – нахмурился Хасанов и переглянулся со своими водителями.

– Рогову! Который сейчас сидел с вами, разговаривал. Вы что-то так активно обсуждали с ним.

– Никто ему ничего не платил, – вместо Хасанова ответил один из водителей «Колесницы». – Он унижаться пришел, на работу умолял взять, а мы его послали куда подальше. Не веришь – спроси, когда он вернется.

Соколовский посмотрел на лица водителей. Кажется, врать тут никто не собирается. Повернувшись в сторону Жеки, он кивком попросил его проверить туалет. Аверьянов скрылся в коридоре.

– А вы здесь по какому поводу собрались, мужики? – спросил Соколовский, дожидаясь, пока Жека вернется.

– Мы тут всегда по четвергам завтракаем, дела обсуждаем, – ответил Хасанов.

– Его там нет! – раздался крик Жеки, выбежавшего из коридора. Вика поднялась из-за стола, и тут она заметила, что у кафе остановился минивэн, из которого стали выпрыгивать мужчины с закрытыми «балаклавами» лицами.

– Все на пол! – крикнула она.

Соколовский метнулся к Вике, упал рядом, перевернув стол, чтобы хоть как-то защитить ее. У соседнего столика на пол попадали водители Хасанова, и тут же в стекла полетели обломки кирпичей. Вика достала пистолет и махнула рукой подползавшему к ним Аверьянову. Было видно, что один из мужчин вытащил из машины бутылку с подозрительно торчавшей из ее горлышка тряпкой. Скорее всего, там горючая смесь. Соколовский попытался остановить Вику, но она почти вскочила на ноги.

Бутылка ударилась в окно и загорелась, разбрызгивая в разные стороны капли горячей жидкости. И в этот момент между нападавшими и кафе остановилась откуда-то вылетевшая машина. Из кабины выскочил Симоненко с пистолетом, одним ударом он свалил крайнего мужчину на землю и закричал, держа наготове оружие:

– Всем ни с места! Полиция! Руки!

Водители «Колесницы» скатертями сбили остатки пламени со столов и оконного проема. Родионова и Жека вышли на улицу, держа под прицелом нападавших.

Мужчины в «балаклавах» начали бросать на землю биты и обрезки арматуры.

– Вас спровоцировали, – громко заявил Симоненко. – Человек, который сделал инвалидом вашего шефа и который инсценировал похищение ребенка, сейчас здесь. Это тот, кто первым сказал вам, что надо отомстить!

Соколовский стал крутить головой вокруг. Рогов был уже на краю парковки и сел в свою машину.

– Вон он!

Симоненко не раздумывая бросился к своей машине, Вика и Жека попытались стрелять по колесам машины Рогова, но попасть было невозможно, потому что мешали чужие автомобили на парковке. Соколовский бросается назад к кафе. Вот коридор служебных помещений и отсюда обязательно должен быть еще один выход с другой стороны здания. Выбежав на улицу, Игорь увидел, как мимо проносится машина Рогова. Вскинув руку с пистолетом, Соколовский выстрелил два раза по передним колесам. Машина вильнула и с треском ударилась капотом в столб.

Подбежав к машине, он рванул дверку на себя и тут же получил удар двумя ногами в грудь. Сбив с ног преследователя, Рогов бросился в сторону, но на пути у него возник Симоненко. Следователь перехватил руку, готовую нанести ему удар, и ловким броском опрокинул тело на асфальт. Рогов застонал от боли, когда Симоненко стал застегивать на его руках наручники.

– Отлично... Валера... – потирая грудь, похвалил Соколовский.

– Валерий, – невозмутимо поправил его Симоненко, поднимая Рогова с асфальта.

Рогова допрашивали в кабинете Пряникова. Водитель сидел на стуле в самом центре и смотрел на носки своих ботинок, морщась от боли в боку. Симоненко обстоятельно докладывал, сверяясь с записями в блокноте.

– Стало ясно в первый же день, что у нас несговорчивый конкурент. И обиженные люди, которых легко спровоцировать. Я договорился с сотовой компанией о контроле за телефонами сотрудников «АВТОВОЗА». Сегодня утром

все получили одинаковое СМС-сообщение с телефона Рогова с текстом «12-ть, кафе „Очаг“». Что там случилось, все в курсе. – Симоненко повернулся к Игорю и поощрительно кивнул головой. – Лейтенант Соколовский совершенно верно вычислил, что виновен Рогов. С мотивом ошибся. Рогов не прислуживал конкурентам, он пытался убедить своих отомстить.

– Рогов, вам есть что добавить? – спросил Пряников.

– Они сами меня вынудили, – упрямо гнул свое водитель. – Все! И Саня. Нас нагнули, а он, знай, свое твердит, что надо договориться. А есть люди, с которыми можно только с позиции силы, которые понимают по-другому!

– Сойдет за признание, – спокойно констатировал Симоненко.

– Ну и что вы нам пришьете? – усмехнулся Рогов. – Хулиганку? 15 суток? Да, пожалуйста!

– У гражданина Хасанова другой взгляд на этот вопрос, – возразил Симоненко. – Покушение на убийство, УК РФ статья 30. До десяти лет.

Соколовский привез Хасанова прямо в больницу, договорившись с водителями «АВТОВОЗА», чтобы они на время увели жену Антонова. Предприниматели встретились взглядами, но теперь в их глазах не было вражды. Слишком много чего произошло за это время, многое теперь стало понятно, и на многое оба смотрели теперь иначе.

– Короче, такая ситуация, – кашлянув, заговорил Хасанов. – Тут твои пошалили, сильно. Но... Я им немного работы дам. Ты приходи в себя. Обсудим детали. – Он посмотрел Антонову в глаза и добавил: – Как ты хотел. Говорить будем.

Соколовский смотрел на обоих предпринимателей и думал о том, договориться, может, и выйдет. А вот успокоиться будет сложнее. Хотя оба взрослые и здравомыслящие мужики. Все встанет на свои места.

Телефон в кармане завибрировал. Соколовский посмотрел на экран: пришла эсэмэска от Кати: «Нам нужно встретиться. Срочно!»

Игнатъев занимался на тренажере. Ему было трудно и пока еще очень больно, но стискивал зубы и выполнял упражнения снова и снова. Соколовский смотрел на своего бывшего врага и думал, что, несмотря на свои принципы, жизнь заставила его все же прийти сюда. Точнее, не совсем жизнь, а рассказ Кати о том, как выжил ее отец, после того как пуля киллера попала ему в позвоночник, как он лежал парализованный три месяца. После она рассказала о запуганной жене убитого адвоката, чей труп нашли повешенным у Кати в квесте.

- Раскрыт секрет возвращения из мертвых? - сказал Соколовский, проходя в тренажерный зал.

- Передумал сажать Фишера? - Игнатъев отпустил железо и взял с лавки полотенце.

Мажор проходит мимо бассейна, к Игнатъеву.

- Нет, - возразил Игорь. Потом помолчал и добавил. - Хуже напарника, чем я, не придумаешь. Мне терять нечего. Я никогда не остановлюсь. И я обязательно посажу Фишера.

- Это я уже слышал, - вытирая полотенцем лицо и шею, сказал Игнатъев. - Что еще? Ты тоже не просто так пришел. Какое у тебя предложение?

- Я не верну вам бизнес. Но если вы скажете, что у вас есть на Фишера, то мы вместе избавим от него мир. Что скажете? Договорились?

Игнатъев молча взял палку и, опираясь на нее, пошел к двери, сделав знак Соколовскому идти за ним. В кабинете он запер дверь и уселся за стол в глубокое кресло.

- У Фишера всегда были руки по локоть в крови. Но когда-то он был менее осторожен. Факты из жизни не вычеркнешь, поэтому он вычеркивал из жизни тех, кто знал о них.

- Поэтому он пытался вас убить? - спросил Игорь.

– Если бы он хотел, меня бы убили. Просто сняли с доски. Компромат на Фишера существует. Его собрала твоя мать, поэтому ее убили.

Игнатьев вытягивает из стола папку, а оттуда фотографию и бросает ее через стол Соколовскому. На фото трое: Игнатьев, Соколовский-старший. Фишер жарит шашлыки. На заднем фоне женщина с маленьким ребенком. Игорь узнал мать.

– Зачем ей это было нужно? – спросил он, поперхнувшись, потому что неожиданно пересохло во рту.

– Этим вечером, – Игнатьев кивнул на фото, – мы с твоим отцом выпили. Отмечали годовщину совместного бизнеса. Фишер не пил. И он пригрозил нам, что закопает обоих вместе с семьями, если решим его кинуть. Твоя мать это слышала. Она испугалась, за отца и за тебя. Наняла детектива, кое-чего нарыла...

– Что именно? Что-то важное?

– Достаточно, чтобы закрыть Фишера на пожизненное.

Игорь наконец справился с собой и, отложив фото, спросил:

– Если мать убили, значит, компромат у Фишера?

– Он его не нашел. Потом пытались найти и мы с твоим отцом. У нас тоже ничего не вышло.

– И что изменилось теперь?

– А теперь я понял, что только один человек может знать, где она его спрятала. Это тот, кто следил за ней.

– Ее убийца, – догадался Соколовский.

– Я знаю, кто он, как он действует, – поднявшись из-за стола, сказал Игнатьев и принялся ходить по кабинету, опираясь на палку. Потом он подошел вплотную к Игорю и добавил: – И чтобы посадить Фишера, тебе придется нарушать закон.

– Постараемся обойтись без этого, – протянул Игорь Игнатьеву руку. – С чего начнем?

– Нужно кое-что раздобыть в ментовском архиве.

– Разрешите? – Симоненко вошел в кабинет Пряникова и прикрыл за собой дверь. – Вот рапорт о вчерашнем задержании.

– Давай сюда, – подполковник поднял глаза на следователя. Взяв протянутый ему лист бумаги, он снова посмотрел на Симоненко и сказал: – Есть одно пожелание. Ты полегче с Соколовским.

– Вы бы тоже, – не меняя вежливого тона, ответил Валера.

– В смысле? – Пряников сразу заподозрил неладное и нахмурился.

– Вы следить за ним должны. А вместо этого занимаетесь социальной адаптацией.

Вика остановилась у двери кабинета Пряникова и замерла, прислушиваясь к голосам.

– Соколовский нам нужен.

– Конечно, нужен, – согласился Симоненко. – Но под контролем.

Из всех папок с делами о «самоубийстве» топ-менеджеров Игнатьев выделил одну. И она сейчас лежала на столе Савельева, невысокого плотного человека. Дорогой рабочий стол, сложное освещение кабинета, на стенах стеллажи с редкими сувенирами и дорогими, ручной работы мастеров, со всех материков. В кабинете было тихо, было только слышно, как тяжело дышит Савельев. Наконец он оттолкнул папку от себя и посмотрел на Игоря с негодованием.

– Пошел ты.

– Дмитрий Федорович, мне просто нужен человек, который для вас это сделал, – примирительно сказал Соколовский.

– Никто ничего не делал. Пошел вон!

– А вот это невежливо, – раздался голос Игнатьева. – Привет, Дима.

Опираясь на палку, Игнатьев вошел в кабинет в сопровождении двух охранников.

– О-о-о! Восставшие из ада! – язвительно улыбнулся Савельев. – Интересная вы парочка. Бывший мажор и Аркадий Викторович Хромоножкин. Забирайте ваши бумажки и убирайтесь отсюда...

К удивлению Савельева и Соколовского, Игнатьев с размаху ударил своей палкой по стеклу стеллажа на стене, за которой были закреплены бейсбольная бита и мяч с росписью какого-то известного спортсмена. Бросившаяся на Игнатьева охрана не успела. Аркадий Викторович сжал биту в руках и одним ударом в челюсть опрокинул охранника. Второй получил удар в живот и согнулся пополам на ковре кабинета. Савельев опомнился и рванул ящик стола, но достать оттуда оружие Игнатьев ему не дал. Он вывернул ему руку и положил Савельева лицом на стол.

– Пальцев десять, – зло сказал Игнатьев, – считаю до десяти! Раз!

Савельев закричал, переходя на фальцет, когда Игнатьев сломал ему палец.

Один из охранников, придя в себя, попытался подняться и вытащить пистолет из кобуры, но Соколовский, схватив первую попавшуюся вазу на постаменте, обрушил ее на голову мужчине. Охранник снова упал без движения на пол.

– Да, – закричал Савельев, корчась на столе, – заказал я эту суку! Заказал!

– Уже расплатился? – холодно спросил Игнатьев, сжимая второй палец на руке Савельева.

- Нет...

- Значит, расплатимся мы, - сказал Соколовский. - Где и когда передаете деньги?!

Глава 3

Допрос у следователя службы собственной безопасности дался Вике тяжело. Надо было умно ответить на все его вопросы, касающиеся убийства во время задержания Стаса. Особо опасен, вооружен, сотрудники полиции подвергались непосредственной опасности. Все это было продумано давно и сформулировано во всех рапортах, которые написали в свое время и она, и Соколовский, и Аверьянов. Ситуация была сложная. Она как минимум граничила между защитой жизни сотрудников полиции во время осуществления ими своей профессиональной деятельности и между превышениями пределов полномочий. Если не сказать хуже.

Но не это было самым мучительным для Родионовой. Самым мучительным было понимание, что они мстили Стасу за убийство Дани. У них не было другого выхода, и они пошли на убийство преступника, маньяка, жестокого извращенного убийцы. Даня! Снова перед глазами его улыбающееся лицо, а потом его мертвое лицо, его кровь. А потом его лицо в гробу. Это было невыносимо, и Вика сжала руками живот, в котором носила ребенка от Дани. Боже, как же через все это пройти, как все это пережить и не свихнуться?

И снова ее ответы, как в рапорте того времени. Да, она выстрелила первой, да, они выпустили в преступника по обойме каждый, потому что он вытащил из сумки «стечкина». Да, они беспокоились каждый за своих товарищей и стреляли наверняка, ведь из «стечкина» можно стрелять очередями, и Стас положил бы их всех, успеет он выстрелить первым. Да, в результате 24 пули в грудь...

Яна Минкевич остановила машину возле парка. Как же хорошо здесь! Воздух, покой. Женщина открыла дверь и вышла из машины, доставая телефон.

– Надюша, вы где? – спросила она свою няню, которая должна была сейчас гулять с ее сыном в парке. – Я тут с работы сбежала ненадолго. Как Кирюша?

– Ой, я а тут по дорожкам его катаю у пруда! – ответил голос няни. – Спит так сладко! Полчаса уже как спит.

– Хорошо, Надюша, я сейчас к вам приду.

Убирая телефон в сумочку, Яна двинулась по аллее парка в сторону пруда. Рабочий день, еще не вечер, и в парке было малоллюдно. Женщина спешила, начиная улыбаться на ходу. Вот сейчас она увидит их, увидит свою крошку, которая так уютно спит в коляске. Но какая-то смутная тревога не отпускала. Сначала Яна думала, что это связано с ее работой, голова снова стала погружаться в служебные мысли. Отогнать их не получилось, и Яна начала хмуриться.

А потом она увидела лежащую женщину возле дорожки. Верхнюю часть туловища скрывал кустарник. Яна побежала, спотыкаясь и проваливаясь каблуками в землю на газоне. Подбежав, она опустилась на корточки. Надя! С испугом узнала Яна в лежащей на земле женщине няню своего сыночка. Голова у Нади была в крови. Зажав в панике рот рукой, Яна поднялась на ноги и стала озираться в поисках коляски. Ее край виднелся в нескольких метрах за деревом. Яна побежала, споткнувшись, упала, ободрав колена, но снова вскочила на ноги, не чувствуя боли. Подбежав, она схватилась руками за край коляски и заглянула внутрь. Гулявшая неподалеку пожилая пара обернулась на раздавшийся с соседней аллеи истошный женский крик.

Странные смешки в дежурной части сначала прошли мимо сознания Соколовского, но когда он уже подходил к лестнице, ведущей на второй этаж, его догнал дежурный с коробкой в руках.

– Соколовский! Посылка тебе. Курьер доставил. Ты бери-бери, не стесняйся. Мы посылку проверили. Порядок.

– А чего вы ржете? – принимая в руки коробку, спросил Игорь, глядя на полицейских в дежурной части.

Дежурный только махнул рукой, сотрудники стали расходиться, оставив вопрос без ответа. Удивленный Соколовский решил, что проще всего подняться к себе в отдел и там посмотреть, что это за неожиданный подарок.

Аверьянов с полотенцем на плече и с хот-догом в руке вошел в кабинет и замер на пороге, тыча рукой в сторону стола. С набитым ртом не сразу получилось произнести фразу, но и проглотить кусок не получалось. На столе Соколовского стояла сумка-переноска, а рядом на пеленках неподвижное голенькое тело ребенка.

– Он не мертвый, он силиконовый, – пояснил Игорь. – А ты что, не ночевал дома, в кабинете живешь теперь?

– Да, понимаешь, этот родственник Нинель, Олег. Короче, не могу я с ним общего языка найти. Мне проще придумать про ночную операцию и другие дела. Надо как-то отдохнуть от него. А ты чего сюда приволок это?

– Потому что я на курсах молодых мам не сообщил, что Родионова отказалась. А первая неделя оплачена. И когда записывал, указал свой рабочий адрес. Прислали в рамках задания «день с ребенком».

– Надо же, – покачал Жека головой. – Как настоящий! А у него что, есть и все остальное? Я слышал, что сейчас все так натурально делают.

– Смотри, – засмеялся Соколовский, доставая бутылочку из переноски. – Сейчас покормим. Кушай, Хуан, расти большой.

– А почему Хуан? – спросил Жека.

– Сделано в Испании! Ты потрогай, он даже на ощупь как настоящий...

Родионова рассказала Пряникову о своем допросе обстоятельно, даже передав интонации следователя. Начальник отдела хмуро перебил Вику, которая пыталась изложить свой план, как выкрутиться из этой истории с проверкой. Может, какие-то вновь вскрывшиеся обстоятельства приложить к делу.

– Не мудри, Виктория! – резко бросил подполковник. – Я тебе еще раз повторяю! Он выхватил из сумки оружие, вы защищались. Все! И нет тут ничего нового. Все и так предельно просто.

– Этот Лепиков не дурак, – с сомнением покачала Родионова головой. – Очевидно, что это был расстрел. И я, как руководитель группы, несу ответственность.

– А я, значит, не несу? – буркнул Пряников.

– Нет, вас там не было, и это все подтвердили. Я одна отвечаю. Да и копает он под меня, это тоже очевидно.

Поднявшись, Пряников прошелся по кабинету, потом подошел к Родионовой, наклонился перед ней, уперев одну руку в стол, и зло проговорил:

– Хочешь рожать в камере? Хочешь, чтобы ребенок рос в тюремных яслях? – Вика опустила глаза, и Андрей Васильевич удовлетворенно хмыкнул. – Вот то-то же! Как я и сказал: гнуть свою линию. А я со своей стороны пробью. Посмотрю, что можно сделать. Поняла?

Соколовский на мотоцикле приехал в парк первым. Он увидел машину «Скорой помощи» и женщину лет 40, которую приводили в чувство в машине. Эксперт-криминалист со скучающим видом в тонких перчатках брал образцы крови с нижней части ствола дерева. Неподдалеку топтались два сержанта из ППС, явно охраняли пустую детскую коляску, лежавшую на боку на траве. Кажется, картина ясная, подумал Соколовский. Ударили по голове, схватили ребенка и уехали. Картина ясная, только вот как раскрывать. Неужели какие-то криминальные круги занялись похищением детей. Только этого не хватало!

На аллее остановилась машина Симоненко. Валера и Жека вышли, осмотрелись и сразу направились к эксперту.

– Ну, что? – спросил Жека.

– Скучно, – отозвался эксперт, не прерывая своего дела.

– А по делу? – строго спросил Симоненко.

– Я и говорю, – вздохнул эксперт, поднимаясь с корточек и завинчивая крышку пузырька с образцами. – В машине мать, она пришла позже, когда уже ребенка украли. Вот тут нашли няню. Удар тупым предметом по голове. Живая, вот адрес больницы, куда ее увезла «Скорая», – эксперт протянул листок бумаги.

– А тупой предмет, которым ее ударили, не нашли? – спросил Соколовский.

– Ну почему же? Вот он, – эксперт похлопал ладонью по стволу дерева, на котором в нижней части были видны следы крови. – Девушку толкнули, она, падая, ударилась головой, потеряла сознание. Забрали ребенка, скрылись. Скучно...

Пока женщину приводили в чувство, оперативники вместе со следователем разошлись в разные стороны, осматривая парк. Могли быть найдены брошенные вещи, свидетели, которые видели возможных похитителей, просто какие-то следы, имеющие отношение к данному преступлению. Минут через тридцать все снова собрались возле машины «Скорой помощи».

– Яна, вы можете говорить? – спросил Симоненко мать похищенного ребенка. – Вон в той стороне парка видели черную дорогую машину. Стояла долго. Водитель сидел внутри. Скажите, вам угрожал кто-нибудь?

Женщина испуганно сжалась вся, потом кивнула головой.

– Мой бывший муж. Мы познакомились два года назад. Все хорошо складывалось, были счастливы, – на глазах женщины появились слезы, но она продолжала говорить. – А потом... В общем, мы разошлись за два месяца до рождения Кирюши. Нехорошо разошлись.

– У вас есть фото бывшего? – спросил Жека.

Женщина кивнула и полезла в сумочку за телефоном. Полистав, она протянула Аверьянову телефон. С экрана смотрела улыбающаяся чета на фоне пляжа. Яна заметно стройнее выглядела, чем сейчас. Мужчина высокий, самоуверенный, лет 45. Обнимает женщину за плечи как-то очень по-хозяйски. Властная натура.

- Эй, сюда нельзя! - вдруг остановили сержанты из ППС каких-то двух возбужденных парней.

- Вы кто? - строго спросил Симоненко.

- Да мы родственники пострадавшей, няни! - наперебой стали объяснять парни. - Нашли уroda, который на нее напал?

- Идет следствие. Как будут новости, вам сообщат. А пока просьба покинуть территорию.

Парни угрюмо переглянулись, потоптались немного, потом один, который был повыше, сказал второму.

- Да, ладно, Витек, что мы тут... Погнали в больницу!

- А чем занимается ваш бывший муж? - спросил Жека, когда парни исчезли.

- Бизнесмен. В прошлом - бандит... В Испании живет. Он так и сказал, что заберет у меня Кирюшу...

- А Кирюше сейчас сколько? - уточнил Соколовский.

- Шесть месяцев.

- Это фото сделано семь месяцев назад, - Соколовский взял из рук Аверьянова телефон и повернул его экраном к женщине. - Вы точно не беременны. Объясните?

Женщина растерянно смотрела на полицейских, потом стала рассказывать.

- Понимаете, как бывает в жизни. Все, кажется, что успею еще, карьеру делала, а потом... Выкидыш за выкидышем, три подряд, врачи сказали, что все, поздно рожать!

- И чего? Усыновили?

- Нет, Антон нашел суррогатную мать.

- Нужны ее данные, - сразу же сказал Симоненко. - Диктуйте, я записываю.

- Вы думаете, это Лариса? - Яна смотрела на Валеру широко раскрытыми глазами. - Нет. Точно нет! Она не могла! Ей просто деньги нужны были!

- По закону, ребенок принадлежит той, кто ее вынашивал. Так что давайте адрес.

Симоненко сидел за столом, сложив руки перед собой, и изредка поглядывал в записи в своем блокноте. Вид у него был, как у доцента на семинаре. Все правильно, обстоятельно и не забывая о воспитательных целях. Иллюзия была полной. Однако усмехаться Соколовскому уже не хотелось, потому что Валера говорил толковые вещи. Специалистом он был хорошим, тут нечего кривить душой, даже при сложившейся к нему неприязни.

- Лариса живет с матерью и пятью детьми. На момент моего визита муж, по словам Ларисы, находился в командировке. Живут бедно, но квартира чистая и ухоженная. И сама женщина выглядит вполне адекватной счастливой матерью и женой. Пока оснований нет полагать, что она может быть причастна к похищению ребенка. Да, были нужны деньги, она мне рассказывала о своем суррогатном материнстве спокойно, но с грустью, что вполне естественно. Они с Яной Минкевич почти подруги.

- Ну, среди женщин бывают такие актрисы, что Станиславский отдыхает, - покачал Жека головой.

- Мой визит не был для Ларисы неожиданностью, потому что ее предупредила об этом Минкевич, - спокойно ответил Симоненко. - Но я произвел осмотр квартиры и не заметил признаков того, что там прячут ребенка. И женщина ничем себя не выдала. Умело скрывать эмоции могут только преступники со стажем и специально подготовленные люди. Многодетная мать и домохозяйка ни к той, ни к другой категории не относится.

- Ладно, посмотрим, - сказал Соколовский. - Нам сейчас Мельникова надо искать.

– Бывший муж Яны Минкевич, – продолжил Симоненко с прежней обстоятельностью, – Антон Мельников, проживающий в Испании, уже неделю как пересек границу России и сейчас находится здесь.

– Ага! – оживился Аверьянов. – А где здесь?

– Я разослал ориентировку и отправил запрос в информационный центр. Возможно, объявится где-то в гостинице. – Симоненко поднялся, аккуратно закрыл блокнот и положил во внутренний карман пиджака. – Я к Пряникову на доклад. А вы можете к няне в больницу заехать.

– Слушаемся, господин капитан, – с готовностью вытянулся Соколовский.

Игорь положил куклу в переноску и направился к двери догонять Аверьянова, когда в кабинет вошла Вика.

– Ну, что? – спросил он, посторонившись и пропустив Вику в кабинет. – Куда тебя Пряников отправлял?

– Служба безопасности занимается делом Стаса, – помедлив, призналась Родионова.

– И что? – Игорь подошел к Вике и поставил на стол переноску.

– Ничего, – стараясь не смотреть в глаза, ответила Вика. – Обычная рутинная проверка.

Катя медленно шла по пустынной улице. Ее фигура была хорошо заметна на фоне ярких витрин. Игорь сбавил скорость, поравнялся с девушкой, глядя, как она красиво идет в туфлях на высоком каблуке. Катя очень любила каблуки. Она повернула голову сразу, как только Соколовский остановил мотоцикл.

– Привет! Катаешься? А я вот сегодня без машины. Может, подвезешь?

– Тогда держи ребенка! – вручил девушке переноску Игорь. – Его зовут Хуан, и учти, что он мне очень дорог, почти родной. Не урони!

В Катиных глазах блеснуло веселье. Они неслись по вечернему городу, то вылетая на широкие проспекты, то уходя на маленькие, заставленные припаркованными на ночь автомобилями улочки. А потом, остановившись возле ее дома, Игорь подумал и заглушил мотор мотоцикла. Катя вошла в квартиру первой, не включая свет, поставила на стол переноску и осторожно вытащила куклу. Ее профиль было хорошо видно на фоне окна и света уличных фонарей. Он смотрел, как она держала в руках куклу, как смотрела на нее с нежной женской улыбкой. Совсем как на настоящего ребенка. Игорь сначала подумал, что это просто игра, а потом он разглядел ее глаза. И на миг ему показалось, что прошло много времени, что все позади и... они дома... со своим сыном...

Умудрившись даже на мотоцикле попасть в несколько пробок, Игорь приехал в гостиницу, которую назвал по телефону Аверьянов, только через час. Поднявшись на лифте на нужный этаж, он сразу увидел открытую дверь номера и незнакомого старшего лейтенанта, стоявшего со скучающим видом у входа. Показав удостоверение, Соколовский вошел в номер и замер. Повсюду царил неопиcуемый беспорядок, который наводил на мысль о недавно произведенном тщательном обыске помещения и личных вещей постояльца.

Двое парней у стены стояли, хмуро набычив лбы, с видом охранников, которым ничего нельзя предпринять в защиту своего хозяина. Мельникова Игорь сразу узнал. Тот нисколько не изменился с того времени, когда их фотографировали с женой на пляже. Он сидел, развалившись на диване, и возмущался с уличными интонациями, которые никак не соответствовали дорогому костюму, да и номеру тоже.

– Хана вам, пацанчики. Ворвались, без ордера... Да мои адвокаты вас сожрут!

Симоненко и Аверьянов повернулись к двери, посмотрели на Соколовского и продолжили слушать возмущения и угрозы Мельникова.

– Валера! – Игорь наклонился и шепнул на ухо Симоненко. – Это же неправильно! Ты? Без ордера? Я удивлен, если не сказать больше.

– Во-первых, Валерий, – невозмутимо отозвался Симоненко. – Во-вторых, оправдано фактором времени.

– Где ребенок? – наконец перебил Мельникова Жека, которому надоело попусту терять время.

– Это вы мне скажите, где мой ребенок? – парировал мужчина и выставил вперед указательный палец. – Вы!

– Вы угрожали своей бывшей гражданской жене, Яне Минкевич, что отнимете у нее ребенка.

– И отниму! – почти перешел на крик Мельников. – По закону отниму! Мои юристы уже работают над этим. Это – мой ребенок, а к ней он не имеет никакого отношения.

– Она – генетическая мать! – напомнил Соколовский, положив мотоциклетный шлем у входа на тумбочку. – Она имеет все права.

– Не-ет! – проговорил Мельников с ехидными интонациями. – Я отец! А она предоставила не свою яйцеклетку, а своей сестры! И это подтвердит генетическая экспертиза!

Соколовский удивленно посмотрел на Жеку и Симоненко. Валера никак не отреагировал, а Аверьянов озадаченно почесал в затылке.

– О как...

– Вот именно! И я требую до своего отлета информацию о том, где мой ребенок! Сейчас я здесь по бизнесу, а через месяц вернусь за ребенком!

– И когда вы улетаете? – осведомился Симоненко.

– Сегодня вечером. Вот билеты! – Мельников достал из внутреннего кармана пиджака билет и со шлепком положил его на журнальный столик.

Когда все трое вышли на улицу, Симоненко остановился и принялся что-то быстро писать в своем блокноте. Аверьянов поморщился, посмотрел на солнце и со вздохом сказал:

– Вот дела! Генетическая мать, суррогатная мать, приемная мать... Мир с ума сошел. И все же предлагаю заняться сестрой Яны, о которой говорил Мельников. Это тоже версия, ее тоже надо проверять.

– Да, нужно, – согласился Симоненко, пряча в карман блокнот. – Займитесь сестрой, а я съезжу к Яне.

– Поехали? – Жека кивнул Игорю на свою машину.

– Ты займись, – покачал Соколовский головой и стал натягивать шлем. – И скинь мне по результату. А я одну версию проверю.

Еще вчера поздно вечером, бесцельно переключая каналы на телевизоре и думая о своем, Игорь случайно попал на одно ток-шоу, где речь шла о кормлении грудных детей. Но только теперь, когда он приехал в гостиницу и увидел Симоненко, то вспомнил, что тот говорил о своем визите к Ларисе – суррогатной матери Кирюши.

Дверь ему открыла женщина в возрасте, судя по описанию Симоненко – мать Ларисы.

– Вы позволите? – показывая свое удостоверение, спросил Соколовский. – Я хотел кое-что уточнить.

Женщина нерешительно держалась за ручку двери, но когда Соколовский шагнул вперед, она машинально его пропустила в квартиру.

– А где Лариса? – проходя по комнатам, спросил Игорь. – А дети где?

– Кто гуляет, кто в саду, а что случилось? – женщина шла за полицейским следом и явно нервничала.

Соколовский вошел на кухню, осмотрелся и повернулся к идущей за ним женщине. Действовать надо было быстро. Интуиция подсказывала ему, что не надо мудрить, что надо разговор строить очень просто.

- Скажите, а где Лариса прячет Кирюшу? - спросил он, глядя женщине в глаза.

- О чем вы? - женщина опустила глаза, но было видно по покрасневшим щекам, по нервно сжатым пальцам, что она почти в панике.

- Творог, кефир, овощи, каши, сухофрукты, ржаной грубого помола хлеб, орехи, - Соколовский перебирал продукты, лежащие на столе, на подоконнике. - Это все диета кормящей мамы! Тут по списку можно проверить. Но самое главное вот это. Безалкогольное пиво. Считается, что оно увеличивает лактацию.

Женщина сникла и медленно опустилась на кухонный табурет.

- Грудной младенец может быть только один - Кирюша. Мне неприятно вам это говорить, но... ваша дочь может сесть в тюрьму, за похищение человека. Что будет с остальными детьми?

- Господи, - прошептала женщина и закрыла лицо руками.

- Я хочу помочь, - Игорь сел рядом на второй табурет. - Скажите, где она, и я обещаю, что сделаю все, чтобы ее спасти. Обещаю.

Магазинчик в дачном поселке был недалеко от дома Ларисы. Она отсутствовала всего десять минут и теперь все равно спешила назад. Оставлять младенца в пустом доме, даже зная, что он не выпадет из кровати, было страшно. Отперев дверь, она поспешно вошла и сразу же двинулась в комнату, где стояла кровать.

Кирюша не спал. Он смотрел на женщину из кровати и смешно надувал губки, как будто хотел что-то сказать.

- Проснулся, сладкий, - нежно прошептала женщина. - Мокренький, проснулся? Сейчас я поменяю тебе...

- Я уже поменял, - раздался сзади мужской голос.

Женщина вскрикнула и обернулась в испуге. В кресле у зашторенного окна сидел Соколовский. Силы совсем оставили Ларису, которая и так пережила столько страхов. А теперь еще и слабость в ногах. Она опустилась на диван и тихо заплакала.

- Все-таки вы решили оставить его себе? - понимающе спросил Игорь.

- Нет, - Лариса отрицательно замотала головой. - Я хотела отдать Яне.

- Да? - удивился Соколовский. - И почему же он до сих пор здесь?

- Понимаете, - заговорила Лариса, прижимая к глазам платочек, - за месяц до рождения позвонил Мельников и предложил миллион евро, если я оставлю ребенка за собой, привезу в Испанию и отдам ему.

- Щедрое предложение.

- Да! Я согласилась, но потом... Я не могла... Не могла смотреть в глаза Яне... Она была так счастлива и... Я не смогла взять грех... отказалась. Может, я и дура...

- А теперь что, передумали? - удивленно посмотрел на женщину Соколовский.

- Понимаете, - Лариса сжала руки, с мольбой глядя на полицейского, - меня тянуло к Кирюше. Сердце матери... Вам не понять...

- Я понимаю.

- И я ходила иногда, просто увидеть, как они гуляют. А в тот день, я как чувствовала, места себе не находила. А потом я увидела эту Надю, няню Кирюши, как она с Мельниковым разговаривала возле его машины. Я поняла, что он не остановится. Я приехала в парк, где Надя гуляла обычно с Кирюшей. Я успела! Она шла, не видела меня и разговаривала с Мельниковым по телефону. Она шла уже отдавать мальчика!

- А что потом произошло?

– Надя меня увидела, но я уже решилась, я была готова на все, только бы этого не произошло. Я ее толкнула, сильно толкнула. Она упала, я покатила коляску по траве, потом поняла, что так не получится. Я вытащила Кирюшу и через парк, через кусты убежала с ним.

Соколовский поднялся из кресла и подошел к женщине.

– А почему же вы Яне не рассказали? Нам почему не сказали сразу?

– Я не знаю, – замотала головой женщина. – Не смогла. Я решила – хватит! Теперь я оставлю Кирюшу себе! Если они не могут его поделить!.. У меня пятеро, будет шестой – ничего!

За окном раздался звук автомобильного мотора. Прямо перед дачей остановилась машина, и из нее выскочили двое парней в масках.

– Он нашел меня! – вскрикнула Лариса.

Соколовский выхватил пистолет и отошел за дверь, прижав указательный палец к губам, показывая Ларисе, что надо молчать. Дверь распахнулась, и в комнату влетел человек с пистолетом. Он смотрел на Ларису через прорези в маске и ткнул стволом пистолета в сторону переноски для младенцев.

– Быстро клади туда ребенка!

– Ствол опусти, – тихо велел Соколовский, подойдя сзади и прижав дуло пистолета к затылку незнакомца.

– Ты опусти! – раздался сзади второй голос, который показался Игорю знакомым. – Быстро!

Мысленно обозвав себя олухом, Соколовский опустил пистолет и тут же получил удар по голове. Искры полетели из глаз целым огненным снопом. И уже падая на пол, Игорь услышал:

– Давай, Витек, в темпе!

За ухом пульсировало нестерпимой болью. Соколовский попытался встать, но голова кружилась, и он никак не мог удержать равновесия. Как будто пол под ним шатался и плясал. Лариса рыдала навзрыд на полу возле детской кровати. А на улице взревела машина, и звук мотора стал удаляться. «Сегодня уезжаю, – вспомнился голос Мельникова. – Вот билеты. А потом вернусь и заберу ребенка».

Не пытаясь больше встать на ноги, Игорь прижался спиной к стене и достал телефон.

– Жека! Братьев няни помнишь? – со стоном заговорил он в телефон. – Надо в аэропорт, быстро! Звони всем!

Мельников стоял на втором этаже у эскалатора. Помощник передавал ему документы, в том числе и документы на ребенка. Сколько все это стоило, Мельников пропустил мимо ушей. Не это главное. Деньги – тьфу! По аэропорту объявили регистрацию на рейс 205, следующий до Мадрида.

– Вон они, Витя и Гриша, – кивнул вниз помощник. – Успели. Еще немного, и все бы сорвалось. Хорошо, что няня в себя пришла и все рассказала.

– Вот, держите, – запыхавшись, Витя вытер локтем пот со лба и протянул сумку-переноску.

Мельников взял сумку, кивнул помощнику, чтобы рассчитался, и неторопливо пошел на регистрацию.

– Витек, менты, – обреченно выдохнул брат, схватив Витю за рукав. – Вон, смотри. И вон там. Капец...

Гриша попытался перепрыгнуть через ограждение, но Жека схватил его за руку и свалил на пол, прижимая коленом и доставая из-за ремня наручники. Еще один оперативник схватил Витю, но тот вырывался. Раздался треск ткани разорвавшегося рукава, и парень бросился вверх по эскалатору. Он видел, как за ним бежали. Вверху, расталкивая пассажиров, бежали еще оперативники. Все перекрыто и деваться было некуда. Решение пришло само.

Догнав Мельникова, Гриша вырвал из его рук сумку-переноску и бросился к перилам. Держа сумку на вытянутой руке на высоте третьего этажа, он шумно дышал и смотрел по сторонам бешеными глазами.

- Я брошу его! - крикнул парень. - Не подходить!

- Тихо-тихо! - поднял руку Пряников. - Давай поговорим! Без резких движений.

- Да чего церемониться! - хмыкнул Соколовский и пошел вверх, вставая на эскалатор. Он видел глаза Гриши.

- Куда? Назад! - раздалось за спиной.

- Я брошу! Слышь! Я брошу! - истерично закричал на весь аэропорт Гриша.

- Не, не бросишь, - с усмешкой покачал головой Игорь, продолжая подниматься по эскалатору.

- Соколовский, назад я сказал! - буквально взревел Пряников.

- Игорь, стой! - раздался голос Вики. - Пожалуйста!

Глаза Гриши забегали по сторонам. Он явно не понимал, что происходит. Паника настолько овладела им, что он уже чуть ли не сам собирался прыгнуть вниз. Пытаясь попятиться назад, парень споткнулся, и его пальцы разжались. Под шумный громкий вздох всех присутствующих сумка-переноска полетела вниз.

Расталкивая людей, вперед бросился Аверьянов и каким-то чудом успел поймать сумку, упав вместе с ней на пол. Вика стояла бледная, закрыв ладонями лицо. Багровый Пряников стоял рядом, играя желваками на скулах. Соколовский быстро сбежал вниз по эскалатору, присел рядом с Жекой на корточки, расстегнул сумку и вытащил оттуда сверток с младенцем. Откинув покрывало, он поднял его и громко с торжеством объявил:

- Молодец Хуан! Чистая работа! А кто говорил, что бесполезная кукла?

– Вот ты гад! – прошептал Жека, глядя на Игоря с ненавистью. – Нет, ну ты гад просто!

– Спасибо, спасибо, – с улыбкой кивнул ему Соколовский.

– Я тебя лично пристрелю когда-нибудь! – прорычал Пряников, вытирая потное лицо.

– Спасибо, и вам спасибо, – сделал Игорь благодарный полупоклон в сторону начальника.

– А ребенок-то где? – вставая с пола, спросил Жека.

– А я когда у Ларисы на даче увидел, что эти два хмыря приехали в масках, то решил не рисковать лишнего и в кроватку вместо Кирюши своего Хуана положил. Они с ним и умчались. А Кирюша с Ларисой так на даче и остались. Только она очень перепугалась.

Машина Фишера стояла возле офиса. Увидев выходящих из здания шефа и Васильева, охранник с готовностью открыл заднюю дверь.

– Если статистика по американскому рынку труда окажется хуже ожидаемой, – сказал Фишер, – то рубль будет укрепляться. Соответственно...

– А убиваете вы исходя из данных по инфляции? – из-за машины появилась Катя, с ненавистью глядящая на мужчин. Охранник тут же схватил девушку за локти, но она продолжала говорить. – Моего отца, после того как украли его фирму?

– Не понимаю, о чем вы, девушка? – спокойно ответил Фишер.

– Юриста, которого я наняла, чтобы вернуть фирму отца? – продолжала перечислять девушка.

Васильев подошел к девушке и вырвал из ее рук смартфон и показал Фишеру.

– Запись. Он у нее в режиме диктофона.

– Интересно, – покачал Фишер головой. – Я не воспринял тебя как игрока. Выходит, ты готова рисковать ради него? Настолько ты его любишь? А он это знает? Нет. Иначе пришел бы с тобой. В машину ее!

В кабинете было по-ночному тихо. Следователь Лепиков повернул ноутбук к сидевшему напротив Пряникову.

– Это записи обоих допросов Родионовой.

Пряников с хмурым лицом смотрел на экран и слушал, что спрашивает следователь и как отвечает Родионова. Лепиков, засунув руки в карманы, прохаживался по кабинету, поглядывая на подполковника. Наконец запись закончилась. Пряников отодвинул ноутбук и откинулся на спинку стула. Следователь тоже уселся на свое место и, чуть наклонившись вперед, сказал.

– Это все. Теперь вопрос к вам. Материалов достаточно, чтобы предъявить Соколовскому обвинение в превышении служебных полномочий.

– Очень хорошо, – отозвался Пряников.

– Мы можем прямо сейчас закрыть его в СИЗО.

Пряников медленно поднялся, потер задумчиво скулу кулаком и уверенным властным голосом ответил:

– Пока не трогайте.

– А когда?

– Я скажу когда. Вы меня поняли?

– Понял, Андрей Васильевич.

Родионова сидела уже почти час в кафе напротив здания, в котором располагалось Управление собственной безопасности. Наконец появился следователь Лапиков, он придержал дверь, и следом вышел Пряников. Вика сидела и смотрела, как они, разговаривая, идут дальше по улице. Она все еще смотрела туда, даже когда оба скрылись за углом другого дома. Кофе в руках Вики давно остыл.

– Я на месте, – тихо сказал в телефон Соколовский. – Ноги тут в темноте бы не переломать.

– Я на месте, – отозвался голос Игнатьева. – Действуй.

Убрав телефон в карман, Игорь удобнее перехватил большую сумку с деньгами и пошел, осторожно ступая по битому кирпичу, двинулся к сваленным старым ржавым трубам. Он уже подошел к месту закладки, когда рядом раздался звук автомобильного мотора. Прятаться и бежать куда-то было бессмысленно, потому что свет фар уже выхватил его в темноте. Оставалось только крайнее средство. Соколовский вытащил пистолет и направил его на затормозившую рядом с ним машину. Стекло со стороны водителя медленно опустилось, и он увидел Игнатьева. Откуда-то сзади из кабины раздался хриловатый властный голос.

– Ствол в кусты. А сумочку в машину.

Соколовский стоял и пытался рассмотреть человека, сидевшего в машине. Но тут голова Игнатьева наклонилась вперед. Ствол пистолета упирался ему в затылок.

Глава 4

Нервы были напряжены до предела. Соколовский хорошо видел, что свободный ход спускового крючка пистолета у головы Игнатьева выбран наполовину. Или нервный тип за его спиной, или очень опытный. Нервные люди такими делами не занимаются!

– А поговорить? – с трудом натянул на лицо улыбку Игорь, не сводя взгляда с пистолета. – И потом лобовое стекло забрызгано, руль липкий, вся машина в мозгах! Доедешь до первого гаишника...

Палец на спусковом крючке шевельнулся, и Соколовский поспешно отбросил свой пистолет в кусты.

– Ладно, ладно, – сказал он, подходя к машине и протягивая сумку. – Ты только не нервничай.

Повинуясь толчку сзади, Игнатъев взял сумку и положил рядом с собой на сиденье.

– Десять шагов назад, – скомандовал киллер. Дождавшись, пока Соколовский отойдет, он толкнул Игнатъева. – Выходи. К нему.

Медленно открыв дверь, Игнатъев выбрался из машины и подошел к Соколовскому. Следом вышел мужчина в темных брюках и темной летней куртке. Игорь разглядывал его и никак не мог избавиться от мысли, что составить словесный портрет этого человека очень сложно. Все у него среднее, все обычное и не выделяющееся. Ничего индивидуального, никакой выразительности во внешности.

– Один вопрос, – глядя на дуло пистолета, спросил Соколовский. – Моя мать перед смертью спрятала компромат на Фишера. Ты знаешь где?

– А это моя страховка, – спокойно ответил киллер. – Чтобы однажды оказаться далеко-далеко, но живым и здоровым.

– Значит, знаешь, – убежденно заявил Игорь.

Мужчина усмехнулся и тут же перевел ствол пистолета на Игнатъева. Повинуясь минутному порыву и понимая интуитивно, что без Игнатъева ему в своих розысках не продвинуться, Игорь бросился вправо, заслоняя его от пули убийцы. Выстрел отдался эхом среди полуразрушенных кирпичных стен бывшего завода. Игорь почувствовал страшный удар слева в нижнюю часть груди. У него перехватило дыхание. Второго выстрела не последовало. Мужчина быстро сел в

машину и уехал. Соколовский, держась за грудь, застонал и скатился с Игнатьева на траву.

– Игорь! Твою мать! – Игнатьев поднялся на колени и схватил Соколовского за одежду, ища рану. – Сейчас, сейчас...

Разорвав рубашку в том месте, где в ней виднелась дырка от пули, Игнатьев увидел под ней бронежилет. Облегченно вздохнув, он отпустил Соколовского и сел на траву, глядя, как молодой человек расстегивает бронежилет, стаскивает его со стоном, а потом рассматривает большое красное пятно на ребрах. Завтра на этом месте будет здоровенный синяк. Соколовский уставился на руки Игнатьева, в которых увидел кастет.

– Интересные у вас игрушки, – сказал он.

– У тебя тоже, – толкнув ногой брошенный бронежилет, ответил Игнатьев.

– Наверное, и прозвище у вас было какое-нибудь типа...

– Аркаша Ипподром, – хмыкнул Игнатьев.

– Как? Ипподром? Да ладно! Вы что, на скачках играли?

– Ипподром подо мной ходил, – поднимаясь на ноги и отряхивая брюки, сказал Игнатьев. – И добился я этого без всяких стволов. Чисто...

– Ствол, – спохватился Соколовский и, держась за бок, тоже поднялся и полез шарить в кустах, куда недавно бросил свой пистолет.

– Нашел? – спросил, подходя, Игнатьев. – Я тоже. Он деньги вытащил, а сумку выбросил.

– Ничего, теперь отследим. По геолокации, – убирая пистолет в кобуру, заявил Соколовский. – Я так и думал, что он от сумки избавится. Я кое-что бросил в машину и помимо сумки.

Женщина бежала тяжело, ломая кусты и хватаясь за низкие ветки берез. Полнота мешала ей, дышала она тяжело, но страх заставлял бежать дальше, озираясь по сторонам. Выбежав на поляну, женщина упала на колени, кое-как выбралась на самую середину, чтобы видеть вокруг себя больше свободного пространства, и тяжело поднялась на ноги. Ее грудь вздымалась, футболка на груди и под мышками была мокрая от пота.

– Хватит! Хватит! – простонала она, затравленно озираясь. – Я знаю, ты здесь!

Ветка хрустнула слева, и женщина вскрикнула в ужасе, резко повернувшись на звук.

– Ты же обещал! Мы с тобой договорились! – крикнула она.

Но тут спиной женщина почувствовала преследователя. Она повернулась и отшатнулась назад. Глаза, смотревшие на нее, были страшными. В них была ее смерть. Женщина пятилась, оступаясь на неровностях почвы под ногами, спотыкаясь о мелкий кустарник. Она держала вытянутые перед собой в страхе руки и почти шептала:

– Я помогу тебе! Помогу! Все еще можно исправить! Ты должен остановиться... Ты понял меня? Все хорошо, пойми, все хорошо...

Сильные, твердые как сталь руки сомкнулись и бросили женщину на землю, она захрипела...

В отделе стояла тишина, нарушаемая только стуком клавиатуры компьютера. И Симоненко, и Соколовский с Жекой, перешептываясь, все уткнулись в экраны, то ли работая с документами, то ли выискивая информацию в поисковике. Наконец на личную почту поступило одно письмо. Вика тут же набрала ответ: «Спасибо, оно».

Борясь с нетерпением, она открыла полученный файл. Там была служебная карточка сотрудника внутренних дел. С карточки на нее равнодушно смотрела фотография Симоненко. В строке «подразделение» значилось: «Волгоградский отдел по борьбе с организованной преступностью». «Волгоград». Дверь

кабинета распахнулась, и Вика тут же закрыла документ.

Подполковник Пряников обвел взглядом сотрудников, уткнувшихся в мониторы.

– В пасьянсы играетесь?

– В шахматный кружок все записались. У меня сеанс одновременной игры, – ответил Соколовский, но поймав хмурый взгляд подполковника, замолчал и провел пальцами по губам, как будто застегивал «молнию».

– Давайте на выезд! Женский труп в лесу с признаками насильственной смерти.

Место было красивое. Сухой березовый лес, местами кусты орешника, молодой осинник в тенистых низинках. И где-то в густых сочных кронах щебетали и перелетали птицы, задевая листву. Три человека на полянке смотрелись удивительно гармонично с чистой природой. Длинная льняная рубаха у мужчины, такие же платья, только с вышивками, на женщинах. Казалось, что ты попал куда-то в XIX век или, по крайней мере, на съемки исторического фильма.

Глава местной общины, крепкий, очень спокойный мужчина лет сорока пяти, разговаривал, засунув большие пальцы рук за пояс. Его жена, женщина лет сорока, с прибранными под косынку волосами, держала ладонь у щеки, горестно покачивая головой. Светловолосая девушка двадцати с небольшим лет смотрела на всех широко раскрытыми глазами, в которых отражались малейшие оттенки ее эмоций. Страх, удивление, горечь по поводу гибели женщины. А вот и мимолетный взгляд на набежавшее на солнце облачко в форме паруса, и в глазах уже умиление и загадочная глубина. Соколовский засмотрелся на девушку, продолжая слушать Бориса.

– Дети по грибы-ягоды пошли и нашли вот... – глава общины кивнул на накрытое тело в сторонке. – Прибежали перепуганные. Ну... запряг гнедого, поехал в поселок за участковым.

– А позвонить нельзя было? – удивился Соколовский.

– Мы не пользуемся этими вещами, – снисходительно и по-доброму посмотрел на молодого человека Борис. – Живем по-своему.

– У вас секта? – серьезно, не беспокоясь, что его вопрос некорректен, спросил Симоненко.

– Нет, просто живем вместе – и все общее, – вместо мужа ответила Татьяна.

– Как мормоны?

– Как те, кто любит простую жизнь. Без химии, электроники и вредного излучения.

– Погибшую раньше видели в этих местах? – решил вернуть разговор в деловое русло Соколовский.

– Нет, – Борис отрицательно покачал головой. – Никогда. Я в общине всех опросил. И чужаков у нас давно не было.

– Тогда подпишите протокол у участкового и спасибо за помощь. Но если понадобится – мы еще придем.

– А мы гостям всегда рады.

– Пойдемте, узнаем, что у Ильи, – сказала Родионова, кивнув на эксперта, который стоял возле куста лесной малины и обирал ягоды, разговаривая с Аверьяновым. – Он, кажется, закончил.

Симоненко не пошел к телу, а стол обходить вокруг, глядя под ноги. Эксперт присел возле тела и откинул кусок ткани, которым местные накрыли его до приезда полиции. Он показал на следы, хорошо заметные на шее жертвы.

– Она задушена, – констатировал он. – Душили голыми руками. Я бы даже сказал, что одной рукой. Сделал это человек довольно сильный. Смерть наступила, по моим прикидкам, в районе часа ночи. Одета она, как видите, довольно просто, почти как бомжиха. Какие-то штаны с вытянутыми коленями, бесформенная футболка, шлепанцы на ногах грязные. Но вот у господина Аверьянова на этот

счет свое мнение, правда, Евгений?

- Правда, - подтвердил Жека. - Маникюр свежий, педикюр, макияж, стрижка, автозагар, ну... все дела. Дамочка не деревенская, это все городские услуги и причем сделанные не в третьеразрядном салоне.

- Вот что значит человек удачно женился, - Соколовский похлопал Жеку по плечу.

- Ну, понятно, - кивнула Родионова. - Приехала на дачу, переделалась в рабочую одежду... не местная.

Эксперт согласно кивнул. Подошедший Симоненко вытирал руки влажной салфеткой и стряхивал с колен мелкие травинки.

- Ее не здесь душили, - заявил он и показал назад, в сторону деревьев. - Пойдемте, я вам покажу. Вот здесь трава примята, тут тащили. Вот еще следы, где ее волокли по земле, и вот здесь. Я думаю, ее вот здесь душили, - показал он рукой на примятую траву на полянке. - Потом от тропинки туда уволокли. Обратите внимание на подвядшие сломанные веточки у куста. И вот на это.

Низко над землей на ветке кустика виднелся маленький кусочек оборванной зеленой ткани.

- С одежды убийцы? - предположила Вика.

- Однозначно. А вот еще интересная улика.

Сделав пару шагов в сторону, Симоненко присел на корточки и раздвинул пальцами густую траву. В траве лежала капсула-шприц с маркировкой.

- Адреналин, - внимательно изучив капсулу, заявил эксперт. - Экстренно вводится при анафилактическом шоке у аллергиков. Например, при укусе насекомых, особенно пчел, можно даже через одежду, главное, быстро.

Кассир в поселковом магазине оказалась женщиной деловой и не особенно впечатлительной. Она внимательно рассматривала около минуты фотографию

мертвой женщины, потом решительно согласилась.

– Да, она вчера приходила, я запомнила ее. Мы с ее банковской карточкой замучились – не проходит и все, аж очередь собралась. А купила один творожок только. Я говорю: «Женщина, завтра приходите, творог свежий привезут». А она: «Нет, электричка рано».

– А одета как была? – спросил Жека.

– Да обычно, – пожала плечами кассирша.

– А с карточкой ее что получилось? – спросил Симоненко. – Она расплатилась ею или наличными?

– Расплатилась. Она полчаса в сумке рылась, другую карточку нашла.

Кивнув, Симоненко отошел в сторону и достал телефон.

– Капитан Симоненко. Мне нужно выяснить биллинг кассового терминала, все операции с шести вечера и до полуночи.

После опроса местного населения, работников на железнодорожной станции вся группа собралась в участковом пункте, где был компьютер и интернет. Симоненко уже сидел за столом и стучал и двигал мышкой компьютера. Когда вошли Родионова и оперативники, он сделал приглашающий жест и развернул монитор так, чтобы было видно всем.

– Пробили по банковской карте. Ее зовут Краснова Нина Валерьевна. Практикующий психиатр. Работала в закрытых лечебницах... Вот интересная информация: Краснова была председателем экспертной комиссии, то есть она принимала окончательное решение о том, вменяем преступник или нет! Я говорил с ее начальством. Аллергией она не страдала. А дача у нее в Черногории.

– Семья есть? – спросил Соколовский.

– Мужа нет. Жила с дочерью. Интересно, дача в Черногории, живет в центре...
Как сюда занесло?

– Да, действительно загадка, – согласилась Родионова. – Симоненко с Аверьяновым, вы поезжайте к дочери, привезите в отдел. Мы с Соколовским в общину. Глава общины может выгораживать своих членов.

Игорь шел вместе с Родионовой за Кристиной и с интересом поглядывал по сторонам. Создавалось впечатление, что смотришь на массовку для какого-то исторического фильма. Деревянные дома, на лугах скошенная трава, и босоногие девчонки в косынках ворошат его, чтобы лучше сушилось. На реке деревянный настил, с которого несколько женщин, высоко подоткнув подола длинных платьев, полоскали белье. По переулку промчались несколько лошадей, на передних трех подростки, до черноты загорелые, в одних трусах с гиканьем и посвистами стегали своих деревенских скакунов. Неподалеку звонко били кувалды и молоточки кузнецов. Несколько домов на окраине стояли брошенными. Заросшие бурьяном дворы да покосившиеся заборы.

– Экоферма, – сказал Соколовский.

– Что? – не поняла Вика.

– Модное течение в наше время – экоферма. Они на туристах могут хорошие бабки заколачивать. Полное погружение в старину. Фольклорного коллектива в штате не хватает.

Кристина, что-то сказавшая по пути босоногой девчонке в ярком сарафане, привела гостей под навес с длинным, хорошо выскобленным столом и лавками.

– Вы простите, что Борис с Татьяной вас не встретили, – улыбнулась девушка, приглашая садиться. – Дел у них много. Но я вам все покажу.

– Они у вас тут главные? – поинтересовалась Вика.

– Ну, как вам сказать. Не то чтобы главные. Просто Борис это все начал. Потом остальные приехали. Нас сорок человек. И мы полностью себя обеспечиваем. Вот

угощайтесь!

Та самая девочка, которую Кристина остановила на улице, принесла и поставила на стол миску с крупной клубникой и небольшую крынку сметаны, накрытую чистой тряпочкой.

– Вам сейчас витамины нужны, – улыбнулась Кристина, кивнув на выпирающий живот Родионовой.

– Спасибо, – кивнула Вика и взяла пальцами ягоду. – Кристина, а вы здесь чем занимаетесь в общине?

– Я с детьми. В школе преподаю, – снова улыбнулась своей светлой улыбкой девушка.

– Да? – оживился Соколовский. – И чему учите?

– Истинной науке. Что земля плоская и стоит на трех китах, и она – центр мироздания.

Рука Родионовой замерла, так и не донеся до открытого рта ягоду. Наверное, выражение лица Соколовского было не менее красноречиво. Кристина восторженно хлопнула в ладоши и закатилась веселым смехом. Посмеявшись, она ответила.

– Обычная программа начальной школы! Вы что, думаете, мы тут дикари?

Кристина стала рассказывать, что у них вполне официально оформленная начальная школа, с лицензией и всеми другими атрибутами. Мы же понимаем, что не все дети, которые вырастут в общине, захотят провести свою жизнь в этих условиях. Будут разные интересы, кто-то захочет профессию летчика, моряка, кто-то захочет стать ученым. И это прекрасно, потому что человек свободен и имеет право делать сам свой выбор по велению души. Но они здесь в общине будут рады, если кто-то захочет вернуться и прожить свою жизнь в тишине и покое.

Пока она говорила, к пекарне подъехала телега, груженная мешками с мукой. Рядом с щуплым пареньком, который правил лошадей, сидел детина под два метра ростом. На его лице выделялись могучие надбровные дуги и сильная нижняя челюсть. Внешность, надо сказать, довольно своеобразная, даже немного пугающая. Соколовский и Родионова переглянулись, подумав об одном и том же.

Из пекарни, вытирая руки передником, вышла Татьяна, которую они недавно видели на поляне вместе с Борисом. Она подошла к телеге, погладила детину по голове, по плечу, а потом ласковым голосом сказала:

– Коленька! Носи! Носи мешки в пекарню.

Коленька улыбнулся неприятной улыбкой ребенка, которая совсем не шла к его лицу. Он слез с телеги, подхватил сразу два мешка и понес в пекарню. Вышел, снова легко взял два мешка и снова унес внутрь.

– Странный у вас Коленька, – сказал Соколовский. – Что за парень такой?

– Он у нас давно живет. Его Борис с Татьяной взяли. Не смотрите на его внешность и силу. Он очень добрый. У него ум ребенка. Он даже пчел боится.

Соколовский поднял смартфон и сфотографировал Коленьку. За сегодняшний день у него набралось довольно много фотографий интересных типажей. Судя по описанию эксперта, убить Краснову мог человек довольно сильный. Коленька подходил на роль подозреваемого, особенно учитывая его умственные способности. Кто знает, может, по ночам в нем просыпается монстр. Тайны человеческого мозга! И кузнец подходит, который играючи махал тяжелым молотком. И его помощник-молотобоец. И не они одни. Борис вон тоже мужчина плечистый, ладони у него широкие, натруженные.

Дочь Красновой Ольга была сухощавой молодой женщиной со строгими чертами лица. Видно было, что она собралась с силами, что горе ее сильно, но она умеет владеть собой и заниматься делом. Наверное, плакать она будет дома и одна. Сильная женщина, с характером. Когда Соколовский и Родионова вошли в отдел, Симоненко разговаривал с Ольгой, перебирая принесенные ею документы. Дочь погибшей с гордостью и печалью рассказывала о работе матери, ее заслугах.

Потом она спохватилась, полезла в сумочку и достала оттуда флешку – электронный архив матери, который накопился за 25 лет ее практики. Если начать проверять всех ее пациентов, то времени на это уйдет очень много.

Ольга оказалась по профессии психотерапевтом и вполне профессионально могла судить о том, кто мог быть убийцей ее матери из области ее профессиональных интересов. Но о том, что Нина Валерьевна в тот день и особенно в ту ночь могла делать в окрестностях общины и она не имела ни малейшего представления. Соколовский показал ей все фото, сделанные за день, всех членов общины, кто мог показаться ему подозрительным, но Ольга ни в ком из них не узнала пациентов своей матери.

– А вот это уже интересно, – Жека протянул Родионовой два письма, вытащенные им из конвертов. И спросил Ольгу: – А есть среди ее пациентов Андрей.

– Андрей? Не знаю, не помню такого имени, – задумалась женщина.

«Расплатишься за то, что ты со мной сделала. Думала, избавилась от меня? Разберись и с тобой, и с ней», – процитировал Жека. – Все в таком роде. Подписано «Андрей».

– Я не знаю. Мама ни разу, даже намеком, об этом ничего не говорила...

– Хорошо, – Симоненко рукой сгреб материалы в кучу к себе ближе на край стола и стал сортировать их. – Я изучу материалы. Думаю, Андрей найдется.

– Может быть, и не один, – вздохнула Ольга. – Я бы посоветовала вам съездить в Первую центральную. Может быть, кто-то из коллег в курсе.

– Клинику я беру на себя, – заявил Соколовский.

Катина сумка с вещами стояла посреди комнаты, и Игорь смотрел на нее, размышляя, что это может означать. Неужели Катя ушла из дома?

– Я из дома ушла, – заявила девушка.

Она, не дожидаясь реакции Соколовского, вытащила из кармана смартфон и положила на стол, а сама отошла к стене с фотографиями и материалами. Из смартфона послышался голос Фишера.

«Правда, Аркадий? Ты же расскажешь дочери? В любом случае имей в виду, Аркаша, что теперь она в игре».

Запись остановилась. Соколовский мрачно уставился на смартфон. Помолчав, он наконец сказал.

- Он прав.

- Фишер? - со злостью в голосе спросила Катя.

- Нет, прав твой отец. Тебе надо уехать. И как можно скорее.

- Ты можешь объяснить мне это все? Эти схемы у тебя на стене, стрелки, связи? Я хочу это понять.

- Я живу в этом во всем, - отрицательно качнул головой Игорь. - И не хочу, чтобы на этой стене появилась еще и твоя фотография.

- Да? - резко спросила Катя.

Она развернулась, подошла к столу, размашисто написала на чистом листе слово «Катя», а потом булавкой приколотла листок на стене рядом с фотографией своего отца.

- Я уже здесь! Понимаешь? - с вызовом заявила она.

Игорь подошел и хотел обнять ее, но девушка вырвалась.

- Да что вы все! - выкрикнула она. - За меня все решаете! Отец, ты. Как будто я... никто вообще!

Она опустилась на диван и заплакала, размазывая слезы по лицу.

- Я что - пешка? В этой вашей гребаной игре... И для тебя? И для отца...

Сняв со стены листок с ее именем, Игорь подошел к Кате, сел рядом и обнял ее, прижавшись щекой к волосам. Он гладил ее молча и нежно по волосам, по плечам, чувствуя, как девушка немного успокаивается. Потом Игорь уложил Катю на диван, лег рядом, устроив ее голову на своем плече.

- Я уеду. Сейчас встану и уеду, - прижимаясь к нему, сказала тихонько Катя.

- Угу, - поглаживая ее по волосам, отозвался Игорь.

- Да.

- Давай пока сделаем паузу... У меня поживешь...

Доктор Сергеев должен был уехать домой после суточного дежурства в клинике, но узнав, кто приехал с визитом, без лишних разговоров задержался. Соколовский вошел в прохладную ординаторскую, и тут же навстречу ему поднялся из глубокого кресла крупный мужчина с пышной шевелюрой, чуть тронутый сединой.

- Вы, значит, из полиции, - пожимая руку Соколовскому, сказал он сочным басом. - Понимаю, понимаю. И визит вас сюда оправдан. Знаете, товарищ, пойдете с вами в парк. Тут люди работают, обстановка напряженная, а нам с вами... ведь о другом поговорить надо, да?

В парке клиники было тенисто. Извилистые дорожки с лавками создавали впечатление уюта и душевного комфорта. Соколовский оценил этот хитрый ход ландшафтных дизайнеров. Сам он не очень любил длинные прямые аллеи, которые просматривались из одного конца в другой. На них чувствуешь себя как на подиуме. А здесь было уютно.

– Эх, Нина Валерьевна. Светлая голова, – сочувственно говорил доктор, глядя в кроны молодых деревьев.

– А чем она занималась, Владислав Леонидович?

– Она занималась несколькими направлениями в последнее время: нейропсихиатрия, психосоматическая медицина, диссоциативное расстройство идентичности. Раздвоение личности, если сказать проще, чтобы вы поняли. Ну, вот, например, однажды обратилась ко мне женщина с раздвоением. Скучная депрессивная тетка, но когда проявлялась ее другая личность, того была просто огонь! А дальше дилемма: кого оставлять? Того, кто обратился, или того, у кого больший потенциал для жизни?

– И какую личность вы выбрали?

– Хм, – доктор чуть улыбнулся одними губами и, понизив голос, ответил: – Скучную, потому что она первая обратилась и оплатила лечение. Но вообще это все очень сложно. Одна личность может быть левшой, другая правшой, один виртуозный скрипач, а другому медведь на ухо наступил, один здоровый, а у другого аллергия, которая появляется только вместе с этой личностью.

– Да, работенка у вас как у механиков, только копаться вам приходится даже не в человеческом организме, а в среде неосязаемой, в психике человека. Или как у программистов. Скажите, Владислав Леонидович, у кого-нибудь были причины за что-то мстить Красновой?

– Понимаете, – подбирая слова, начал отвечать Сергеев, – Нина была настоящим ученым. Иногда она... применяла шоковую терапию. Нервная встряска или болевой шок способны вывести человека из болезненного состояния.

– То есть она их мучила?

– В самых тяжелых случаях это неизбежно. Когда другие средства не работали.

– Скажите, а есть какой-то механизм, включающий вторую личность?

- В девяти из десяти случаев причиной может служить опасность, угроза, испуг. Часто при подобных условиях другая личность выскакивает как защитная программа.

- Любопытно, - кивнул Соколовский, а потом спросил: - Скажите, а если человек одновременно любит двух женщин - это раздвоение личности?

- А он об этом знает? - тут же ответил встречным вопросом доктор.

- Еще как.

- Тогда это не раздвоение, а драма.

Соколовский, уставший и удрученный, сидел на лавке во дворе дома Кристины и смотрел, как она работает на гончарном круге. Несколько горшков сушилось и ждало своей очереди в печь для обжига. Тут же стояли и расписанные горшки. Девушка работала быстро и очень ловко, успевая ногами подкручивать колесо, с которым вместе вращался и гончарный круг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/galdaev_serгей/mazhor-3-pravda-opasnee-smerti

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)